Юлия Тупикина

ИСТОРИЯ ТОНИ, РАССКАЗАННАЯ ЕЁ СТЕКЛЯННЫМ ГЛАЗОМ

Стеклянный глаз, неопределенного возраста
Мила, 35
Макс, 40
Геля, 15
Семен, 15
Антонина, 65
Соседка, 55
Платон, 15
Пётр, 53
Ольга, 40
Галя, 55

1.

СТЕКЛЯННЫЙ ГЛАЗ. Дамы и господа, добрый вечер! Бонсуар! Бонасэра! Гуд ивнинг! Эрев тов! Вы услышите сегодня историю о страстях человеческих, о роковых женщинах, любви и верности, а также неверности, ревности и предательстве. Самое главное в этой истории - Тоня, это её свет проливается через меня, я её серый глаз, и мы вместе, пока смерть не разлучит нас (её смерть, не моя, конечно: период распада стекла - тесяча лет). Короче, Тоня попадёт в рай, а я буду долго лежать один в гробу, на дне её красивого черепа и через белую глазницу пялиться на черный квадрат Малевича, один только черный квадрат, созданный, дамы и господа, крышкой гроба. Кстати, обожаю Малевича и супрематизм, мой кузен был в глазнице Давида Бурлюка, вы знали? Того самого Давида Бурлюка, что делал футуризм с Маяковским, Гончаровой, Ларионовым и тем же Малевичем, так что мой кузен был у истоков русского авангарда, можно сказать. Нас, стеклянных глаз, много, и мы многое видим, как и камеры наружного наблюдения в Москве: мы есть у канадского хоккеиста База Бастьена, и у алжирского контрабандиста Мохтара Бельмохтара, и у тайского монарха Рамы девятого, и у слепоглухого американского реформатора Хеллен Келлер, и у американского певца Сэмми Дэвиса-младшего, и у актера Питера Фалька, вы знали? У писателя Бена Дрейфуса тоже мы есть, и у канадского профессионального борца Карла Уэлле, и южнокорейского политика Пака Цзе-вона, и у кадрового немецкого офицера Клауса Шенк Граф фон Штауфференберга, и у северо-ирландского футболиста Дина Шилса, и у американского

писателя Роберта Турмана, и у серийного убийцы Генри Ли Лукаса, и у конгрессмена и бывшего морского котика Дэна Креншоу, и у советского актера Эраста Гарина, и у болгарского поэта Гео Милева, повешенного в 1925 году за левые взгляды (наверное, стеклянный глаз их продуцировал), и у современного российского актера Андрея Зиброва - ему выстрелили в глаз из пневматического пистолета - тоже мы есть. Ну и у моей дорогой Тони, у моей единственной, у моей сладкой булочки есть я, гладкий, красивый, блистательный глаз.

2.

Зима. Не совсем трезвый Макс курит на балконе панельной многоэтажки, смотрит вниз с 10 этажа. Смотрит на табуретку рядом. Залезает на табуретку – один шаг и он может спрыгнуть с балкона. В это время внизу во дворе Мила выгуливает Семёна, он валяется в снегу.

3.

Семён лежит в снегу. На другом конце площадки стоит Соседка, наблюдает и за Семёном, и за своей внучкой.

СОСЕДКА *(внучке)*. Аглаш, не ходи туда, там… разлеглись.
МИЛА *(Семену)*. Сём, вставай.
СОСЕДКА *(внучке)*. Аглашенька, не вспотела? А то мама нас наругает.
МИЛА *(Семену)*. Сём, давай побегаем? Вставай.
СОСЕДКА (*внучке)*. Нельзя туда лезть, Аглая.
МИЛА *(Семену)*. Нельзя в снегу валяться, Семён.
СОСЕДКА *(внучке)*. Нельзя холодное трогать!
МИЛА *(Семену)*. Нельзя так долго лежать.
СОСЕДКА *(внучке)*. Нельзя…

Семен начинает рычать и выть по-волчьи.

Иди ко мне, Аглаш.
МИЛА. Сёма! Ну перестань, Сём. Пойдём погуляем.
СОСЕДКА *(Миле)*. А что это он у вас?
МИЛА. Что?
СОСЕДКА. Воет?
МИЛА. Да, воет.
СОСЕДКА. А зачем его на площадку привели?
МИЛА. А что? Тут качели, горки, он любит.
СОСЕДКА. Мало ли, что любит - у нас тут нормальные дети гуляют.

Семён так и воет.

МИЛА *(Семену)*. Сёма, домой.
СОСЕДКА. Вот-вот, уходите. Взяли моду… Есть специальные места для таких. *(внучке)* А ты не бери пример с этого…

МИЛА *(Семену)*. Сёмочка, пожалуйста, пойдем домой.
СОСЕДКА. Идите-идите. *(Внучке)* Аглаша, не боишься? Не описалась? Заикаться не начнёшь?
МИЛА *(Семену)*. Сём, ну пойдем домой, Сём.
СОСЕДКА. Как фамилия?
МИЛА. Что?
СОСЕДКА. Ну ваша фамилия какая?
МИЛА. Кузнецова, а что?
СОСЕДКА. Кузнецова. Надо участковому сказать - какая-то неблагополучная семейка.

Семён начинает хохотать и показывает пальцем на балкон своей квартиры на десятом этаже. Мила поднимает голову и видит Макса на табуретке. Макс тушит сигарету.

МАКС (*громко с балкона)*. Ваш долг: спасать от бед невинных. / Несчастливым подать покров; / От сильных защищать бессильных, / Исторгнуть бедных из оков. / Не внемлют! видят — и не знают! / Покрыты мздою очеса: / Злодейством землю потрясают, / Неправда зыблет небеса.

Макс ставит голую ногу в шортах на перила и вот-вот сиганёт вниз. Соседка тоже поднимает голову и видит Макса. Мила хватает Семёна и тащит его к подъезду.

СОСЕДКА. Мама мия! Это.. это что? Красный снег делают. Аглаш, нам пора.

Внучка воет как волк.

4.

СТЕКЛЯННЫЙ ГЛАЗ. Ну где же Тоня, спросите вы, где же обещанная история Тони, что же вместо Тони вам тут втюхивают? Какая-то нелепая семья, какие-то странные люди. Подождите, дамы и господа, секундочку, одно мгновение, ан инстан, уан сек, айне минутэ, одну хвилинку! Совсем скоро Тоня появится и затмит солнце, охнете. А пока, давайте расскажу о ней. Моя дорогая Тоня родилась посреди оттепели в славном городе Ужуре Красноярского края, том самом, близ которого в 1965 году создали военный городок ракетчиков и стали производить атомное оружие, а в наше время открыли памятник ракете «Сармат». Её мать приехала туда к мужу, Степану, на четверть цыгану, и новая родня её плохо встретила, так что мать сказала: «Приехала в Ужур, ни здрасти, ни бонжур», а через девять месяцев родила Тоню, Степан на радостях запил и несколько раз изменил жене со своей пергидрольной одноклассницей, а потом украл магнитофон у прохожих и попал за решётку, больше его Тоня не видела, вернее, она его вообще никогда не видела, ибо после первого срока был второй, третий, а потом туберкулёз - и адьё, каюк пришёл, ласты склеились, коньки отбросились, копыта откинулись - ну вы поняли: нынче полковник, завтра покойник,

придет час - не будет и нас, суждено на вечну фатэру итить, и ОН ПОШЁЛ! тяни лямку, пока не выкопали ямку, а ему как раз ВЫКОПАЛИ ЯМКУ! Короче, папаша отошел к праотцам, в мир иной, в горний, на тот свет, подох под забором, а мать Тони, подхватив сопливую Тоню, сбежала в Московскую область, а именно, в город Ликино-Дулёво, на фарфоровый завод, основанный в 1832 году купцом Терентием Яковлевичем Кузнецовым, сыном старообрядца и фарфорового короля Якова Васильевича Кузнецова - в этот рай, в это царство чистейших образцов чистейшей прелести, где приобрела несколько спинных грыж, ибо расписывала чашки, скукожившись, и не занималась физкультурой. А нужно было лечь на живот, вот так, видите? И делать упражнение «Корзинка». А что же делала Тоня? А Тоня ходила в ясли, потом в детский сад, просила прощения у портрета Ленина, как того велели воспиталки, спала строго на правом боку, доедала манную кашу, а потом пошла в школу, где и забеременела от учителя физкультуры, чем огорчила маму, мало ей спинных грыж, мама даже бросила в Тоню чайной парой, им продавали за полцены неликвид. Пара распалась, распалась на мелкие осколки о Тонину голову, но глаза тогда уцелели. Мама справилась со стрессом, мама прошла суровую школу города Ужур, где, как вы помните, ни здрасти, ни бонжур, и даже бродячих собак не кормят, и отвела Тоню на аборт. А потом… Впрочем, я заболтался, всё, убегаю, продолжение следует!

5.

Платон и Геля едут на одном самокате, Геля позади, обняв Платона.

ПЛАТОН. Ты в детстве рисовать любила?
ГЕЛЯ. Что? Рисовать? Люблю.
ПЛАТОН. А я любил. Мама носила с собой коробку хороших карандашей и альбом с бумагой, ну, такой хорошей, шершавой. Чтобы можно было везде рисовать, в поликлинике, там, или в метро. Я не могу плохими карандашами на стремной бумаге.
ГЕЛЯ. А?
ПЛАТОН. Только самыми лучшими на самой лучшей.
ГЕЛЯ. Что?
ПЛАТОН. Мы с тобой сегодня два месяца как встречаемся.
ГЕЛЯ. Да! Остановись - у меня подарок.
ПЛАТОН. У тебя подарок, а у меня нет.
ГЕЛЯ. Что? Да стой ты, на минутку, Платон.
ПЛАТОН. Потому что ты, Геля, это компромисс. Ты как те карандаши для всех - твердые, бледные и никто не следит за ними. Слышишь?
ГЕЛЯ. Чё?
ПЛАТОН. А мне нужны самые лучшие. Я такой с детства, Гель.
ГЕЛЯ. Можешь остановиться, блин?
ПЛАТОН. Это такая черта характера. И мне важно защищать мою индивидуальность, понимаешь? Отстаивать мои границы.
ГЕЛЯ. Да стой ты, Платон!
ПЛАТОН. Так что мы больше не пара, Гель, сорян.

Платон останавливает самокат. Но Геля не уходит.

Пока, Гель.
ГЕЛЯ. Ничё не поняла. При чём здесь карандаши? Что случилось?
ПЛАТОН. Дальше пешком дойдешь. Тут близко.
ГЕЛЯ. Но Платон!
ПЛАТОН. Отцепись.

Геля сходит с самоката, Платон уезжает.

6.

Квартира Кузнецовых. Макс лежит на кровати в спальне, Мила укрыла его пледом и гладит.

МАКС. Напрасная жизнь, Мил, понимаешь? Всё зря. И никто тебя не услышит, никому ты на фиг не нужен. Если бы мама была живая, она бы…
МИЛА. Может, чаю с малиной?
МАКС. Да ты послушай, при чём тут… Понимаешь, нет смысла. И махнувшая вслед голубым платком наезжает на грудь паровым катком.
МИЛА. Ты же пишешь книгу. Всё будет хорошо.
МАКС. Нет, не будет. Пора нам повзрослеть. Хорошо не будет. Никогда. Наша прежняя жизнь умерла. Нет её, Мил. Мы в каком-то сраном вакууме, мы…
МИЛА. Найдёшь работу, опубликуешь книгу и всё будет хорошо…
МАКС. Я уничтожил файл. Это всё бездарно. И работу не найду. Не найду. И даже искать не буду. Понимаешь, масло и вода не смешиваются, Мил. Не смешиваются. Лишний человек Максим Кузнецов. Этой стране я не нужен.
МИЛА. Как уничтожил? Зачем?
МАКС. Знаешь, почему Гоголь сжег второй том? Потому что это был бездарный текст.
МИЛА. Ну… ну ладно. Напишешь новый. Нам всё равно нужно как-то жить, как-то…
МАКС. А зачем, Мил? Зачем? Мы родили инвалида, который…
МИЛА (*перебивает)*. Ну пожалуйста, Мась…
МАКС. Ладно. Но что мы можем дать этому миру? Ничего, Мил. Все смыслы исчерпали себя. Мы пожили. Надо дать место другим. Торжество икры над рыбой. И ангелы как комары. Всё измельчало, Мил. И ты сама - милая и мелкая. И я такой же. Милый и мелкий.
МИЛА. Это просто депрессия, говорила сто раз - надо таблетки. Поможет, Мась, точно поможет. И ты найдешь работу, напишешь роман. И я смогу выйти. И мы летом поедем на море. И жизнь…
МАКС *(перебивает)*. И ничего этого не будет. И ты это знаешь. И впереди у нас старость, нищета, болезни, унижения. И нет в этом смысла. И до свиданья, мой любимый город. Мне на плечи кидается век-волкодав, но не волк я по крови своей. Запихай меня лучше как шапку в рукав жаркой шубы сибирских степей.
МИЛА. Если бы ты нашел работу, мы могли бы летом поехать в Сибирь. На озёра. Белё, Иткуль, Тагарское… Хочешь?
МАКС. Мил, ты такая примитивная…

МИЛА. Но…
МАКС. …как инфузория.

Макс отворачивается. Мила моргает.

МИЛА. Это просто ты устал. Выгорание. Тебе больно. Ты же так не думаешь. Суп сварю. Вдруг Сёма поест. Он уже месяц ничего не ест почти.

В квартиру влетает зареванная Геля, она бежит в ванную и запирается.

МИЛА. Гель… Геля, что случилось?

Мила подбегает к двери в ванную и дергает ручку.

Гель, что случилось? Открой.
ГЕЛЯ. Ничего не случилось.
МИЛА. Ты плачешь? Почему?
ГЕЛЯ. Потому что я уродливая корова. Зачем вы меня родили?
МИЛА. Гель, ты чего? Ты такая хорошенькая, ты… Что случилось?

Слышно грохот посуды с кухни.

Сёма! Сёма, оставь посуду в покое!
ГЕЛЯ. У нас не семья, а цирк уродов.
МИЛА *(Семёну)*. Сёма! Пожалуйста, не трогай грязную посуду! *(Геле)* Ну всё, он грязную посуду поставил к чистой.
ГЕЛЯ. Вы родили уродов. Почему не сделала аборт? Тебе не надо было рожать детей!
МИЛА. Гель, ты чувствуешь гнев, это нормально, теперь давай посмотрим, что его вызвало? Что тебя так…
ГЕЛЯ *(перебивает)*. Перестань разговаривать так со мной! Я не пациентка! И ты ненастоящий психолог!
МИЛА. Почему ненастоящий? Я училась, у меня диплом, я…
ГЕЛЯ *(перебивает)*. Потому что настоящие работают! И деньги получают! А у тебя нет работы, и денег нет! Мы нищие! Я никогда нигде не была, кроме Турции!
МИЛА. И в Черногории была, тебе тогда три года было, и бабушка согласилась посидеть с Сёмой. Ну я же… ты же… Ты же понимаешь, что у нас сложная ситуация - я не могу работать, потому что Сёма, а папа… *(тихо)* папа пока ищет работу. Кто-то же должен сидеть с Сёмой.
ГЕЛЯ. Он не ищет! Он не ищет вообще! Вам плевать, как я буду жить! Плевать на меня! Ну тогда нафига я тут?

Слышно звон разбиваемой посуды.

МИЛА. Ну вот, посуды стало меньше. Главное, чтобы не добрался до заморозки.

Слышно, как Семен открывает морозильник.

Добрался. *(Семену)* Сёма, не надо. Закрой морозильник, пожалуйста.
ГЕЛЯ. Мам, ты говоришь какую-то ерунду. Тебя никто не слушает!
МИЛА. Да, ты права.
ГЕЛЯ. Бесишь.
МИЛА. Да.
ГЕЛЯ. Бесишь конкретно!
МИЛА. Да.

Пауза.

Геличка, что ты там делаешь? Гель! Геля, открой дверь, мама волнуется! Гель, открой дверь, мой зайчик! Макс! Макс, иди сюда! Макс! Геля!

Мила трясет ручку двери, хочет войти. Прибегает Макс и вышибает дверь в ванной.

7.

Мила клеит объявления на столбах и досках, обходя свой район. Одно объявление читает Антонина.

8.

СТЕКЛЯННЫЙ ГЛАЗ. А вот и моя голубка, чей свет проходит через меня, изливаясь наружу! Моя сладкая булочка, мой котёночек, мой персик - моя Тоня, Антонина, Антонина Степановна. Видели её? Она читала объявление, читала моим соседом, несовершенным биологическим глазом, у которого уже, знаете, и сосуды испортились от возраста, и зарождается катаракта, и вообще, пора исследовать глазное дно. Но Тонечка не исследует, Тонечка курит, что ухудшает картину, Тонечка питается неполноценно и пьет алкоголь, иногда много алкоголя, временами даже падает мордой в снег, что очень пугает, ведь она может меня потерять. Итак, дамы и господа, вы спросите, что же было дальше, когда мать отвела Тоню на аборт. Ну что, что, был аборт. Лежишь на холодненьком, пока медики, ну… И Антонина уже никогда не могла иметь детей, что её не особенно парило, ибо наша Антонина очень полюбила мужчин, у неё был развитый бугор Венеры (светит месяц над Варшавой, девки любят хрен щерщавый) и поэтому большое, как у Остапа, сердце, и оно всё время пылало, и пылало оно к разнообразным людям: к учителю физкультуры, к сапожнику, к школьнику, ещё одному школьнику, и одному учащемуся ПТУ, к ещё одному учащемуся ПТУ и к его старшему брату, безработному тунеядцу, и к его другу, участнику криминальной группировки, а потом к другому участнику этой же группировки, а потом и к тому единственному, кто выжил в этой группировке, а потом и к молодому милиционеру, поймавшему единственного выжившего из этой группировки, а потом и к начальнику охраны, а потом и к врачу женской исправительной колонии номер… ну, не будем углубляться в детали, вечно забегаю вперёд, сорян, останавливайте

меня, молчу-молчу, всё-всё, спасибо за внимание, продолжение следует!

9.

Мила и Пётр в цветочном магазине «Персефона».

МИЛА. Вы написали, нужна уборщица. Вот, могу. В смысле, хорошо убираю. Пол мою. Надо же пол мыть, да? Или ещё что-то? Я готова. Вы написали, оклад двадцать пять, работа по утрам, я согласна. Тут ещё есть вакансии, так что… уберу у вас и к ним. Во сколько нужно прийти?
ПЁТР. Как вас зовут?
МИЛА. Мила.
ПЁТР. Мила. Мила. Меня зовут Пётр. Мила, а какое у вас образование?
МИЛА. Психолог, но это по второму. А по первому филолог. Но это так… знаете, это считай что… В общем, у меня двое детей, двойняшки, и как-то… приходится много времени детям и… Сын с аутизмом. Но это так, извините, эти детали вам…
ПЁТР. А почему вы решили работать уборщицей, а не психологом?
МИЛА. Ну, понимаете, нет опыта работы психологом. Я выучилась, но… Дома нет возможности работать, там же надо чтобы закрытый кабинет и… в общем, нет условий. И не могу как бы… не могу гарантировать людям… Короче, пока не могу такую ответственность взять, а вот полы мыть…
ПЁТР. Понятно.
МИЛА. Да?
ПЁТР. Да, понятно. Мила, а не хотите получать в два раза больше плюс премии, но уже не бегать никуда, а заниматься цветами весь день?
МИЛА. Цветами? В смысле?
ПЁТР. Ну это же цветочный магазин. У нас цветы. Мы их продаем. И вы можете стать флористом.
МИЛА. Я? Флористом?
ПЁТР. Ну да. Вы. Флористом.
МИЛА. Но… я не умею.
ПЁТР. А что там уметь? Вам цветы дарят?
МИЛА. Мне? Цветы?
ПЁТР. Даже если не дарят - ну что там сложного? Вот цветы, надо скрутить букет по спирали и вуаля.
МИЛА. Но…
ПЁТР. Что? Кончились возражения? Мила, продавать цветы - это знать психологию людей, так что вы созданы для такой работы. Это ваше призвание. Короче, давайте тогда, сразу покажу всё, и прямо сегодня приступите.
МИЛА. Сегодня?
ПЁТР. Дети пристроены?
МИЛА. Ну да. Почти.
ПЁТР. Ну вот и отлично.
МИЛА. А можно хотя бы завтра?

ПЁТР. Завтра? Можно. Вам можно многое. Женщине с такими глазами… Так вот, спираль делается так...

Пётр собирает букет, набирая цветок за цветком и складывая их под углом 45 градусов друг к другу, прокручивая по спирали.

Цветы - это тоже трупы, Мила, я работал в морге, насмотрелся. Цветы - тоже трупы, но другие. И ты не должен вырезать органокомплекс, как из тела, ты просто соединяешь их, чтобы им не было так одиноко. Они уже срезанные. В морге тоже уже срезанные. Кто-то прошел и срезал, или что-то: болезни, иногда любопытство и желание проверить границы дозволенного, иногда тупо химические зависимости, или гиподинамия с ожирением. Ничто не вечно, каждый махровый и бахромчатый тюльпан, каждую розу, альстромерию, нарцисс, гиацинт, мускари, каждую веточку мимозы, фрезии, ранункулюсы, каждый анемон, ирис, ветвь эвкалипта, рускуса, салала, бергграса кто-то рано или поздно срежет. Думать об этом больно. Я уйду, а эти все - останутся? Но думать об этом среди цветов - не так страшно, Мила, правда? И я уволился из морга. Задолбался заглядывать в мертвые глаза. Теперь смотрю в глаза покупателей и вижу жизнь. Или в ваши глаза. Жизнь. И уже не так страшно. У вас теплый взгляд. Это нравится покупателям. Вы на своём месте, всё будет хорошо, Мила, всё будет хорошо.

10.

Квартира Кузнецовых. Антонина, полная женщина в люрексе с татуировкой на тыльной стороне ладони, с облезлыми красными ногтями, сидит на кухне, перед ней фарфоровая чашка с чаем, Антонина переворачивает блюдце и смотрит на штамп. Мила улыбается ей.

АНТОНИНА. Дулёвский фарфор. Самое лучшее. Голубая рапсодия. Обожаю. Там чего только нет! Набор чайный, шесть предметов, янтарь пчелки, набор чайный, шесть предметов, янтарь ёжики, сервиз, двадцать предметов, гранатовый голубой букет, сервиз кофейный, пятнадцать предметов, колокольчики (аппетитный), а ещё белый лебедь, эконом, багульник гранатовый, белый лебедь конфетти, тюльпан бабочки, окна тюльпан, белый лебедь подсолнухи, аппетитный сирень, аппетитный Нина, отводка золотом, тюльпан сакура, тюльпан розовый мотив…
МИЛА. Может, варенья хотите?
АНТОНИНА. Да не моросите, всё будет хорошо. Какой чай красный, каркаде что ли?
МИЛА. Красный? Ой, даже не знаю, ну хотите, другой заварю?
АНТОНИНА. Да нормально, сойдет, Люсь. Мой любимый цвет.
МИЛА. Мила, меня зовут Мила.
АНТОНИНА. Ну понятно, понятно. Как Гурченко. А в паспорте Людмила, да?
МИЛА. Да, но…

АНТОНИНА (*перебивает*). Ну вот! Я и говорю - Люся. А что это у вас обои отклеились?
МИЛА. Да соседи топят иногда.
АНТОНИНА. А на ремонт дают?
МИЛА. А, нет, не дают, у них там что-то, не знаю, ну они извиняются… А расскажите, пожалуйста, немного о себе, Антонина Степановна.
АНТОНИНА. Я человек простой. Но честный. Что на душе - то и на языке. Работала штукатуром-маляром. Грамоту имею. На пенсию вышла. Дай, думаю, найду занятие по духу.
МИЛА. А у вас есть… ну, опыт педагогический?
АНТОНИНА. Педагогический есть - собака у меня была, овчарка кавказская. И вот такая она была смышленная, как человек, всё-всё понимала! Ну и я, конечно, старалась, воспитывала её. Путана звали, сучка. Она даже до четырех считать научилась. Да ты тоже чайку попей, Люсь, выдохни, а то сидишь как кол проглотила. Пацан где?
МИЛА. Да, сейчас, придёт… А вы с детьми не работали, да?
АНТОНИНА. Да работала, конечно. У меня бригада была - как трехлетки, бля. Я хотела сказать - ей богу. Им чё скажи - они наоборот делают. Я говорю: вы гоните что ли? А они просто как дети были, даром что всем за тридцать, а кому и полтинничек. Пиздец, короче. Я хотела сказать - ужас.
МИЛА. Но… не знаю, но можно ли сказать, что дети… В общем, тут важно, чтобы у человека было призвание.
АНТОНИНА. Конечно! Всё по понятиям, чётко должно быть. Вы объявление написали - призвали меня, и вот она я призвалась. А так бы не призвалась. Человек я одинокий, ни детей, ни внуков, Путана ушла *(показывает пальцем на небо)*. А любовь нерастраченная, она… она распирает изнутри-то.

Антонина вытирает влажность глаз.

МИЛА. Ой, ну что вы, Антонина Степановна, я… я не хотела задеть ваши чувства.
АНТОНИНА. Не смотри мне в правый глаз, Люсь. Правый стеклянный у меня. Я же по молодости ресницы густо красила, а потом иголкой их - раз, раз. Ну и осталась без глаза, понимаешь?
МИЛА. Ой.
АНТОНИНА. Ну.
МИЛА. Как же…
АНТОНИНА. Стеклянный. Красивенький, да? Ничего, подбитый глаз уменьшает обзор, но увеличивает опыт. Так что опыта у меня - вагон. Ну, зови пацана.
МИЛА. А насчет денег - вы не хотите обсудить?
АНТОНИНА. Ну ты же написала - мало.
МИЛА. Дело в том, что у нас пока сложное финансовое положение - муж болеет, не работает, поэтому и хочу выйти, нашла работу тут рядом, и пока что…
АНТОНИНА *(перебивает)*. Не мороси, Люсь. Всё понимаю. Но нужен аванс. Сколько можешь?
МИЛА. Мы можем пока заплатить только…

Мила достает мятые купюры, их мало.

Извините.

Антонина пересчитывает купюры. Повисает пауза.

АНТОНИНА. Я согласна.

Мила выдыхает. Антонина убирает деньги в карман.

МИЛА. Ой, супер, отлично. Потом мы повысим, это просто период, а потом…
АНТОНИНА *(перебивает)*. Призвание такое у меня. Так что зови пацана. *(Достает из кармана маленькую дешевую детскую машинку)* Принесла, вот. Сколько ему? ты не написала. Пять?

Мила отрицательно мотает головой.

Четыре? Ну ещё лучше, такие ребятишки - как чистое поле, что посеешь, то и пожнёшь.
МИЛА. Сёма у нас… вы знаете, что такое аутизм?

Пауза.

АНТОНИНА. Больной?
МИЛА. Ну, особенный.
АНТОНИНА. Понятно.
МИЛА. Извините, сразу не сказала. Говорила другим няням, и они даже не приходили, поэтому…
АНТОНИНА. Понятно.
МИЛА. Сначала написала прямо в объявлении про аутизм, и вообще никто не позвонил. И тогда новое объявление пришлось делать. Подумала, что… аутизм - это же такое нейроотличие, понимаете, это не какое-то… хотя, да, с Сёмой непросто, да, я поэтому все эти годы с ним дома, и мы занимались, и…
АНТОНИНА *(перебивает)*. Зови, мать.
МИЛА *(громко)*. Макс!

На кухню заходит Макс и Семён. Семён сразу подскакивает к кружке Антонины, выплёскивает чай в раковину и ставит немытую чашку в шкаф.

МИЛА. Сёма! Не надо в чистую посуду ставить, сто раз просила.
МАКС. Здравствуйте.
АНТОНИНА. Так он у тебя… он уже семилетку закончил?
МИЛА. Семён не учится в школе. У него нет речи, а в спецшколу я не хочу его, сами занимаемся. И по выходным в мастерские ходим.

Антонина протягивает Семёну машинку, он берет и рассматривает её.

АНТОНИНА. Ну привет, привет! Меня зовут баба Тоня. А ты Сёма. Будем играть?

Семён кивает.

МИЛА. Он всё понимает.
МАКС *(Антонине)*. А у вас есть специализация по детям с аутизмом?
АНТОНИНА. Хороший пацан, рослый. Ладно. Завтра во сколько, в девять?
МИЛА. А можно без пятнадцати?
АНТОНИНА. Можно, можно, я утром рано встаю, в шесть по звонку, так что у вас как штык буду.
МАКС. Так что с образованием, я спросил…
МИЛА *(Антонине)*. Эта кружка будет ваша, и вы можете свои какие-то вещи принести - тапочки, там, ещё что-то.
АНТОНИНА. Спасибо, Люсь. Ну, до завтра, Сём! Пока-пока!

Антонина уходит.

МАКС. Люсь? Ну-ну. Я не понял, это чё за игнор?
МИЛА. Мы обо всём договорились.
МАКС. Ты видела ее дипломы? От неё воняет табаком, она курит! И она в наколках!
МИЛА (*Семену)*. Сёма, будешь булочку? Не лезь в морозилку, пожалуйста!
МАКС. Мил, ты оглохла? Я с тобой разговариваю.
МИЛА. Мась, мы не найдем на эти копейки никого, специализированные няни для таких детей стоят космических денег. У нас их нет. У нас долг по коммуналке за пять месяцев. И ты не работаешь.
МАКС. Это сейчас упрек был?
МИЛА. Констатация, я не…
МАКС. Это упрек был? Ты шеймишь меня за моё заболевание? Ты пинаешь сломленного человека? Мне самоустраниться? Освободить семью от балласта?
МИЛА. Ну что ты такое говоришь, я не это, просто… Ну извини, мась.
МАКС. И это любовь? Это «в болезни и здравии»?
МИЛА. Извини, пожалуйста.
МАКС. Разочаровала меня.

11.

СТЕКЛЯННЫЙ ГЛАЗ. Ну как вам Тоня? А? Что же вы так криво улыбаетесь? Ну, дамы и господа, ну ё-моё! Не понравилась она что ли? Понравилась? Ой, бальзам в уши, бальзам, спасибо, спасибо за ваше внимание к Тоне, спасибо, дамы и господа, что заметили её огромное сердце. Она пожалела этого ребенка. И готова служить ему даром. Кто ещё согласился бы на такое? Вот вы согласились бы? А вы? А вы, мужчина, точно бы не согласились, это понятно. Да, у Тони огромное сердце, и мы остановились на том, что оно пылает. Я перечислял вам, на кого оно пылало, помните? Последний был врач женской исправительно колонии номер… Неважно, какой номер. Да,

Тоня попала в колонию. Сначала для несовершеннолетних, потом - в эту, взрослую. Ой, что там только она ни видела! Как там только она ни дралась! Но не могу подробно рассказать, тогда меня ещё с ней не было, у неё был мой предшественник, биологический несовершенный глаз. А я, молчаливый и верный свидетель Тониной жизни, появился, когда она уже откинулась. Чалилась, чалилась и откинулась. И возрадовалась. И воспарила душа её в эмпиреи, и было куплено леопардовое облегающее платье с рук (да, Тоня заходит с козырей), ведь дизайнер интерьеров Андреа Путман уже прошла по Мэдисон-Авеню в одном из первых кожаных пальто дизайнера Алайя, и была остановлена Бергдорфом Гудманом — байером, который спросил её, во что она одета, с этого начался поворот в карьере дизайнера Аззедина Алайя, который привел к продаже его облегающих платьев в Нью-Йорке и Беверли-Хилс и он был назван в средствах массовой информации королём облегающего силуэта. Этого Тоня не знала, но свою большую жопу и свои высокие тити обтягивать любила, ибо любила мужчин, и всё то, что они дарят, всё то, что они вынимают и кладут промеж ножки. И хотя в ту пору редко кто алмазил жемчужинки, и особенно в этом социальном слое, и машиной для фейсситинга такого рода красоту ещё не называли, но Тоня научилась быть счастливой и без популярных ныне скриптов, было сложно, но она смогла. Тоня брала от жизни всё (что и привело потом к третьему сроку, но это было сильно позже). А пока Тоня обтянулась - кто видел, тот ослеп - завила на тысячу бигуди свои толстые, как стволы баобабов, волосы, намазала фиолетовой помадой свои огромные, как два осетра, губы и стала, поплёвывая, красить тушью из коробочки свои длиннющие, как шеи стерхов, густые ресницы. И от этой советской говняной туши они, эти шеи-ресницы, слипались, будто перемазанные в мазуте, разлившемся в Чёрном море, и Тоня их разъединяла иголкой, и, как вы уже понимаете, так появился я. Я родился! Извините, тут цитата из «Лунтика». Короче, сначала приехала скорая, потом была всякая скучная возня, и через несколько месяцев Тоня впервые вставила меня в свою идеальную глазницу. А что было дальше - я расскажу позже, продолжение следует!

12.

Платон бродит вдоль полок супермаркета с корзинкой. К нему подходит Геля.

ГЕЛЯ. Привет.
ПЛАТОН. Привет.
ГЕЛЯ. Ты заблокировал меня везде.
ПЛАТОН. И чё?
ГЕЛЯ. Ну… давай поговорим. Пожалуйста.
ПЛАТОН. О чём?
ГЕЛЯ. Ну, о нас.
ПЛАТОН. Нет.
ГЕЛЯ. Нет?
ПЛАТОН. Кузнецова, отстань, а? Я всё сказал.

ГЕЛЯ. Ну почему так резко? Всё же было нормально.
ПЛАТОН. Отстань, говорю.
ГЕЛЯ. Это несправедливо.
ПЛАТОН. Чё?
ГЕЛЯ. Я всё делала правильно.
ПЛАТОН. Ты дура?
ГЕЛЯ. Ну что не так? Что?
ПЛАТОН. Отойди.
ГЕЛЯ. Ты же не встретил какую-то другую?
ПЛАТОН. Не твое дело.
ГЕЛЯ. Это ошибка.
ПЛАТОН. Ку-ку, Кузнецова, ты ку-ку.
ГЕЛЯ. Платон, я люблю тебя.
ПЛАТОН. Кефир где у них тут?
ГЕЛЯ. Платон, правда, люблю и это на всю жизнь.
ПЛАТОН. Ещё фин-криспы мама просила купить. А, вот они.
ГЕЛЯ. Куда ты будешь поступать? Я туда же поступлю. Я слушаю весь твой плей-лист. И даже kai angel и nine mice. И всего Хичкока посмотрела, как ты, и это старье с Брюсом Ли. И «Очень странные дела». И даже могу есть оливки, как ты. Мы - одно существо.

Геля берет с полки банку оливок, открывает её и ест.

ПЛАТОН. Охрана! Охрана! Тут воровка!

13.

Квартира Кузнецовых. Антонина на кухне моет посуду в раковине, рядом моет игрушечную посуду в тазике Семён.

АНТОНИНА. Вот, видишь, мы с тобой чистюли, да, Сём, чистюли мы. Я долго жила, знаешь, в… в санатории. И мы в… в санатории должны были всё сами мыть, прибирать, чтобы чисто-чисто было, чтоб белым платочком протри хоть лампу, хоть плинтус - и он такой же белый, понимаешь? Прям, невинный такой. Целка какая-то, а не платочек. И шконки чтоб застелены гладко-гладко, как гладь пруда. И мыло. Если на мыле какая-то сволочь свой волос оставила, мы эту сволочь… Короче, мы её ругали, а-та-та! Потому что когда так много человек в… в санатории, то надо быть аккуратной. Чтобы чисто-чисто, комар носу не подточит, и ты вся такая чистенькая, пахнешь розой, а духи же в санатории запрещены, вот мы и мечтали о дезодоранте и о мыле душистом розовом. Нам когда такое передавали, это ж какой праздник был, Сём! Вот у вас не лежит мыло в белье, а это неправильно. Всегда надо мыло класть в шифонер, тогда бельё вкусно-вкусно пахнуть будет.

Входит Макс, идет к холодильнику, открывает его и смотрит.

Что пялишься? Пустовато, да?
МАКС. Да.
АНТОНИНА. Ну так иди, добудь что-нибудь.

МАКС. В смысле?
АНТОНИНА. Ну как раньше-то было - нет денег, так охота, рыбалка, грибы, ягоды, ну или таксовать можно. А чё шконку-то давить?
МАКС. В смысле? Какую шконку? Вы меня тут что, жизни учите что ли?
АНТОНИНА. Ну да. Или давай ремонт делай. Хата какая-то убитая у вас. Смотри, тут сломано, там розетка торчит, грязное всё. Дверь в ванной вообще не закрывается, позор. Обои давно переклеить надо, покрасить всё. Помогу, не мороси. Маляром отпахала. Так что, давай, Максимка, давай начнем потихоньку. Можно пока обои ободрать, красочку купить. Кисти, валики свои принесу. Потом обои купим новые, или можно без них, покрасить, или…
МАКС *(перебивает)*. Подождите, стойте, стойте. Вы у нас, Антонина, как вас там…
АНТОНИНА. Степановна.
МАКС. Антонина Степановна, вы у нас няня, да?
АНТОНИНА. Ну.
МАКС. Так и занимайтесь Семёном, не лезьте не в свои дела.
АНТОНИНА. А лучше всего - иди на работу. Баба работает, а ты шконку давишь.
МАКС. Что? Вы что-то совсем уже все границы переходите.
АНТОНИНА. Я живу в мире без границ, Максик.
МАКС. Какой я вам Максик?!
АНТОНИНА. Спокойно.
МАКС. Вы что-то совсем уже! Совсем уже тут!

Макс фыркает. Семен подражает Максу и тоже фыркает. Фыркая, Семен смотрит на потолок. С потолка капают капли.

Не лезьте ни в свои дела, занимайтесь своей работой. Будьте благодарны, что вас вообще взяли сюда, в приличную семью. Я смотрю, жизнь вас не баловала, где-то на дне существовали.
АНТОНИНА. Ты чё гонишь, что ли? Ты на кого тут батоны свои крошишь, чмо, ты берега что ли тут попутал? Сядь. Сядь и прижми ранетки к табуретке. А то плакать придется. Если кто-то громко плачет, довыёживался, значит.

Макс садится и замолкает, потрясенно. Антонина замечает капли с потолка.

Да япона мать!

Антонина быстро уходит, вытирая руки. Семён собирает капли своим тазиком. В кухню входит Геля.

МАКС. Ты почему не в школе?
ГЕЛЯ. Я не спала, совсем не спала. Всё время что-то стучало, гремело в доме, такие перегородки тонкие.
МАКС. Ну да, не очень.
ГЕЛЯ. И мне снились волки. Напали на Сёму, рвут зубами. Потом мама прибежала - и её рвут. А я стою, кричу, кричу, папа, папа, а ты не приходишь. Тебя нет. Сердце бешено колотится.
МАКС. Бедная моя. Что болит?

ГЕЛЯ. Живот болит.
МАКС. Так надо к врачу.
ГЕЛЯ. Нам всем надо к врачу, пап.
МАКС. Ну да. Кушать хочешь?
ГЕЛЯ. Нет. А чё, нас опять затопили?
МАКС. Ну да, придурки эти опять там что-то. Давай приготовлю супчик. Правда, мяса нет. Ну ничё. Можно с сайрой, рыбный.
ГЕЛЯ. Ну окей.
МАКС. Или вегетарианский, где-то вермишель была. Ты какая-то бледненькая, кис.
ГЕЛЯ. Голова тоже болит.
МАКС. Голова или живот?
ГЕЛЯ. И то, и то. И сердце. И сил нет никаких.
МАКС. Кошмар какой. Ну ничё, пройдет, витамины попей.
ГЕЛЯ. У нас же нет витаминов.
МАКС. Хочешь яичницу?
ГЕЛЯ. Ну так.
МАКС. Ой, яиц нет. Надо маме сказать.
ГЕЛЯ. Тебе не звонили?
МАКС. Кто?
ГЕЛЯ. Твой телефон в магазине оставила. Они просили телефон родителей. Твой дала. Только не волнуся, пап, там ничего такого. Я погуглила, ничего такого. Ну они могут просто что-то сказать, и…
МАКС *(перебивает)*. Да что случилось-то, можешь нормально…
ГЕЛЯ (*перебивает)*. Они сами всё скажут. Но только ты должен понимать, пап: у всего есть психологические причины. И этого бы не было, если… если бы я не была такая уродина.

Геля убегает.

МАКС. Гель! Геля! Да что ж такое-то.

В кухню входит запыхавшаяся Антонина, опускается на табуретку, тяжело дышит.

АНТОНИНА. Слышишь… какое дыхание… подохну… от хобла… это всё работа такая… малярная… губит… легкие, бронхи.

Антонина кладет на стол несколько пятитысячных купюр.

Сгоняй… купи хавчик. Суп сварю. Борщ.
МАКС. Откуда у вас деньги?

Антонина показывает на потолок, с которого уже меньше капает.

АНТОНИНА. Бог послал. Сколько они вас топили-то?
МАКС. Да много уже.
АНТОНИНА. Ну вот. Теперь задумаются. Исправят. А то подключили машинку свою через жопу. Но, знаешь, когда вот так каждый раз по четвертаку выкладывать - не напасешься. Так что, задумались они. Давай, сгоняй за говядиной, да с костью бери.
МАКС. В смысле? Они вам денег дали что ли?

АНТОНИНА. Ну.
МАКС. Как? Как у вас это получилось? Мы с ними столько ругались уже, и они наглые, оборзевшие, они…
АНТОНИНА *(перебивает)*. Ты в мясной пойдешь или нет? Да возьми томатной пасты, уксуса, свеклы, моркови, лука. Кстати, и пару кило картошки бери, потом жарить будем. Хотя, чё пару-то, бери нормально, десять. Но всё не трать, нам краску брать. И краны новые, эти у вас уже на помойку.
МАКС. Да, они уже переплыли Стикс.
АНТОНИНА. Приплыли, приплыли. И знаешь, Максик, чё-то голова болит, возьми чекушечку коньячка, сосуды расширить.
МАКС. Но… ну… окей.

Макс неуверенно берет деньги и выходит.

АНТОНИНА. Ну чё, Сём? Ты как? Перемыл всё? Орёл, орёл мой! Да ты рождён для этого дела! Не пропадёшь! Не пропадёшь! Точно говорю тебе, у бабы Тони глаз - алмаз! *(Поет)* Снегопад, снегопад, не мети мне на косы, / Не стучись в мою дверь, у ворот не кружи, / Снегопад, снегопад, если женщина просит, / Бабье лето её торопить не спеши.

14.

СТЕКЛЯННЫЙ ГЛАЗ. Слышали? Слышали, как она меня назвала? Алмаз! Алмаз! Это я! Я, а не он! Моя королева меня любит! Моя царица! Очи её, особенно я, подобны пламеню огненному, ноги и руки её подобны халколивану, как раскалённые в печи, и голос её как шум вод многих, не только что капающих сейчас с потолка на кухне. Как она умеет, а! Как она зашла к этим безголовым, как она посмотрела на них - ух! Безглазая на безголовых, свысока! Как она схватила их за грудки, их - народ грешный, народ обремененный беззакониями, племя злодеев, сынов погибельных! Из уст её выходил острый с обеих сторон меч. «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, - молвила она. - Во что вас бить ещё, продолжающих свое упорство? Вся голова ваша в язвах, и всё сердце исчахло», - так возвещала она. И как она обложила их заклинаниями, полную панамку заклинаний набросала, как окатила их гневом, как нахлобучила их возмездием, как они испытали катарсис и чуть не оставили биологические следы его в своем нижнем белье, как затряслись у них поджилки от тяжелых предчувствий, как сжались сфинктеры от надвигающейся катастрофы, от последнего дня Помпеи, от вертолетов с напалмом, от пришедшего к ним снизу апокалипсиса! И разверлись кошельки их, и открылись их банковские приложения, и появились инсайты - надо! Надо! Надо подключить стиральную машину по-новому! По-новому! Ибо имеющий ухо да слышит, имеющий глаз да видит: новый день пришёл! Алилуйя! И всё теперь будет по-другому.

15.

Мила в цветочном магазине «Персефона», заходит Геля.

МИЛА. О, привет, кис, что случилось?
ГЕЛЯ. Да ничё не случилось. Так вот где ты пропадаешь.
МИЛА. Почему «пропадаешь»? Работаю. Как в раю. Ну что, как дела, что-то Платона давно не приводила, как он?
ГЕЛЯ. Отлично, всё хорошо, тебе привет передаёт. Какой-то холодный рай.
МИЛА. Это чтобы цветы не испортились. Из дома? Как там Сёма?
ГЕЛЯ. Из библиотеки. А ты домой не хочешь?
МИЛА. Да, попозже, новая партия пришла, надо принять. И заказов много. Ну там Антонина Степановна же, и…
ГЕЛЯ. Она там ремонт делает.
МИЛА. Да, вчера видела, отлично, слушай, вообще супер.
ГЕЛЯ. А тебе норм, что какой-то чужой человек делает ремонт у тебя дома?
МИЛА. Гель, ты чё пришла?
ГЕЛЯ. На мать посмотреть. А то мать не вижу. Ну и за цветами.
МИЛА. За какими цветами?
ГЕЛЯ. У нашей классухи день рождения. И я хотела от себя ей букетик подарить.
МИЛА. Слушай, классная идея! Давай, может, эти?
ГЕЛЯ. Ну не, какие-то сладенькие. Может, те? Хотела что-то более брутальное… А те? Давай их!
МИЛА. Каллы? Думаешь, ей понравятся?
ГЕЛЯ. Думаю, да. Такие торжественные. Как на похоронах. Точно эти.
МИЛА. Зантедескии, так их называют. В моем детстве дарили друг другу, белые и бордовые, а потом пришла мода на розы. Помню, моей бабушке на юбилей кто-то подарил огромный букет белых калл, и они стояли в хрустальной вазе посреди стола, и бабушка была как королева. А потом она умерла от рака. Надо же, только сейчас вспомнила тот юбилей…
ГЕЛЯ. Мам, ну ты делаешь букет или нет?
МИЛА. Да-да.
ГЕЛЯ. Ну давай, делай.
МИЛА. А вот те гвоздики - их положили на гроб.
ГЕЛЯ. Мам, алё!
МИЛА. Да-да. И было так красиво - белые гвоздики на красном гробу.

Входит Пётр.

ПЁТР. Добрый вечер!
ГЕЛЯ. Здрасти.
ПЁТР. Вижу, вижу фамильное сходство.
МИЛА. Это моя дочь Ангелина.
ГЕЛЯ. Я уже ухожу, до свидания.

Геля берет букет и уходит.

ПЁТР. Какая самостоятельная. Дети такие взрослые, хорошо. Ну как первая неделя работы, Мила?
МИЛА. Не хочется уходить.

ПЁТР. Я же говорил, это ваше призвание.
МИЛА. Даже сны такие странные стали сниться. Как будто у меня берут интервью: Мила, расскажите о своей карьере. И я отвечаю так странно: мол, недавно создала композицию из пионов и эвкалипта, она стала хитом на свадьбе. Вчера создала букет из роз и ананасов, он стал хитом на юбилее. На прошлой неделе создала композицию из белых роз и ярко-красных ягод, она стала хитом на выставке.
ПЁТР. Это пророческий сон. Впереди хиты. Интервью, слава, деньги.
МИЛА. И ещё всё время что-то вспоминается. Какие-то моменты, что-то связанное с цветами.
ПЁТР. Цветы - лучшие проводники в прошлое, это так. Вот, ваша первая зарплата.

Пётр кладёт деньги перед Милой.

МИЛА. Спасибо, Пётр. Так много?
ПЁТР. Премия. И вот ещё.

Пётр кладет перед Милой коробку духов.

МИЛА. Духи? Мне.
ПЁТР. Вам. Сколько вам лет?
МИЛА. Тридцать пять.
ПЁТР. Выглядите моложе.
МИЛА. Это… это потому что редко загораю, ну и генетика… Дорогие, наверное, духи?
ПЁТР. Конечно, дорогие, такой женщине нельзя дешёвые.
МИЛА. Спасибо, но…
ПЁТР. Такая красота не должна увядать. У нас тут холодильник, и долго хранится всё. И цветы, и люди. У вас такая кожа прозрачная, бледная… Вы замужем?
МИЛА. Да.
ПЁТР. Но неудачно, да? Да ладно, неважно. Я, кстати, один. Нет семьи.
МИЛА. Ну, пойду?
ПЁТР. Зачем? Что вам там делать? Там зима. Всё грязное, серое. Бело-чёрно-серый флаг нам нужен, так будет честно. А тут у нас - смотрите, какой рай. Африканские протеи, кустовые диантусы, хамелациум. Какой аромат, да? Оазис. Оазис посреди серой пустыни. Голоса тропических птичек. Ваши ноготочки розовые. Пушок ваших волос.
МИЛА. Но у меня там ребенок… дети.
ПЁТР. Но они же взрослые, Ангелина совсем большая, ей не нужна мать. Кто там ещё? Сын? У них отец.
МИЛА. И няня.
ПЁТР. И няня. Как хорошо, что у них няня. У меня тоже были дети. Но мамаша сбежала, украла их. Подавал в розыск, но… И потом понял - можно жить другой жизнью. Другой. Главное - найти новый смысл. Например, красота этого мира - срезанные цветы. Они мёртвые, но нет ничего живее, правда?
МИЛА. Но как же… вы, наверное, скучаете по своим детям?

ПЁТР. Уже нет. Скучаю по цветам. Когда поставку задерживают, и мои красавицы томятся где-то на складах… А могли бы у меня, и я бы продлил их красоту. Мои порошки… знаете, конкуренты хотят узнать, что я делаю, почему мои цветы так долго не вянут. В морге мои покойники тоже хорошо сохранялись. Зашивал их такими красивыми стежками, так аккуратно с ними работал, делал тела такими живыми. Может, более живыми, чем при жизни. Вы такая холодная, Мила. Такая волшебно холодная.
МИЛА. У вас трясется рука.
ПЁТР. Всегда перед красотой. Как осиновый лист перед такой красотой холодной. Как осиновый лист, блин.

Пётр гладит Милу по голове.

16.

Геля сидит в гостиной родителей Платона с букетом калл в руке. Входит Ольга с подносом, на котором чай, за ней маленькая собачка, которая тут же бежит к Геле.

ОЛЬГА *(собачке)*. Долли, фу, не приставай. *(Геле)* Как вас зовут? забыла, извините.
ОЛЬГА В ЧАТЕ С ПЛАТОНОМ. Платош, тут какая-то девушка с цветами к тебе.
ГЕЛЯ. Геля. Ангелина. Какая красивая собачка!
ОЛЬГА В ЧАТЕ С ПЛАТОНОМ. Геля. Ангелина.
ПЛАТОН В ЧАТЕ С ОЛЬГОЙ. *(Блюющий эмоджи и эмоджи-гнев)*.
ОЛЬГА. Геля, Ангелина - чудесное имя! Да вы давайте сюда цветочки, мы их в воду. И пока наливайте чайку, там вон варенье, сахар, лимон, не знаю, как любите.
ПЛАТОН В ЧАТЕ С ОЛЬГОЙ. Гони ее ссаными тряпками ма.
ГЕЛЯ. Спасибо большое. А как вас зовут?
ОЛЬГА. Ольга, эээ… можно просто Ольга.
ГЕЛЯ. Вы такая красивая. Вот на кого Платон похож.
ОЛЬГА. Спасибо. Так вы учитесь с Платошей?
ГЕЛЯ. Да, в одной школе.
ПЛАТОН В ЧАТЕ С ОЛЬГОЙ. Я серьезно ма гони её скажи копы едут.
ОЛЬГА В ЧАТЕ С ПЛАТОНОМ. Ты мне ничего не рассказывал про неё.
ОЛЬГА. Так, а… цветы - это по какому поводу?
ГЕЛЯ. У нас любовь с Платоном. Мы встречаемся уже два месяца, и это на всю жизнь, я однолюб. Кроме того, мы ждём ребёнка.
ОЛЬГА. Да?
ГЕЛЯ. Да.
ОЛЬГА В ЧАТЕ С ПЛАТОНОМ. Немедленно иди домой.
ОЛЬГА. Как… как интересно. Неожиданно, в смысле, хотела сказать.
ГЕЛЯ. Такое бывает. И я как раз, вот, узнала только что о беременности и пришла поздравить Платона. (*Про цветы)* Красивые, да? Брутальные такие. Что-то на букву «з».
ОЛЬГА. Зантедеския.
ГЕЛЯ. Точно.
ОЛЬГА. А Платон ещё не знает, да?

ГЕЛЯ. Ещё нет.
ОЛЬГА В ЧАТЕ С ПЛАТОНОМ. Я в шоке, Платон.
ОЛЬГА. Ну что ж… А это точно?
ГЕЛЯ. Пять тестов, каждый по две полоски. Итого, десять полос.
ОЛЬГА. Десять полос… Просто даже не знала, что у вас какие-то отношения, Платоша ничего не говорил.
ГЕЛЯ. А мои родители его прекрасно знали, он приходил к нам. Так что… А у вас есть колбаса, Ольга?
ОЛЬГА. Колбаса?
ГЕЛЯ. Ну да, у меня теперь потребности в протеине повышенные, и поэтому…
ОЛЬГА. Да, конечно, сейчас-сейчас…

Ольга выходит.

ОЛЬГА В ЧАТЕ С МУЖЕМ. Паш, у нас пиздец.
ОЛЬГА В ЧАТЕ С ПЛАТОНОМ. Поздравляю, отец.
ПЛАТОН В ЧАТЕ С ОЛЬГОЙ. Чёёёёёё????
ОЛЬГА В ЧАТЕ С ПЛАТОНОМ. Да ты придешь или нет?
ПЛАТОН В ЧАТЕ С ОЛЬГОЙ. У меня свидание.
ОЛЬГА В ЧАТЕ С ПЛАТОНОМ. У тебя ребёнок.
МУЖ В ЧАТЕ С ОЛЬГОЙ. Что случилось? Соседи затопили?

Ольга с колбасой и хлебом на тарелке входит в гостиную. Геля берет тарелку и ест колбасу.

ГЕЛЯ. Мерси. Ну что, если мальчик родится, как назовём? Давайте Неждан. Было такое имя, древнерусское.
ОЛЬГА. Хотелось бы Богдан.
ГЕЛЯ. По-разному же бывает: когда-то Богдан, когда-то Неждан. А хотите, через дефис, двойное? Богдан-Неждан Платонович.
ОЛЬГА. Геля, а почему вы не сообщили об этой новости Платону напрямую? Почему решили прийти, и… он не в курсе.
ГЕЛЯ. Ну да. Он же меня везде заблокировал. Мне что, голубей пускать? Вот и пришла. Адрес узнала, несложно.
ОЛЬГА. Почему заблокировал?
ГЕЛЯ. Боится ответственности. Избегающий тип привязанности у вашего мальчика. Есть вопросы к воспитанию.
ОЛЬГА. Ещё чайку?
ОЛЬГА В ЧАТЕ С МУЖЕМ. Где у нас перцовый баллончик?

17.

СТЕКЛЯННЫЙ ГЛАЗ. Вы посмотрите, дамы и господа, в какие сложные условия попала Тоня! Эта семья - просто проблема на проблеме! Кошмар! И всё это должна разгребать моя булочка, за что ей это?! Но с другой стороны, Тоня - лучший в мире человек по решению проблем, и если бы она стала президентом, всем бы похорошело: безногие обрели бы ноги, безмозглые мозги, бессердечные сердца, бесхребетные хребты, беззубые зубы, безголосые голоса, и только безносые остались бы с носом. Однажды на жд-вокзале Тоня встретила

охранницу из своей колонии - та сурово, как скала, торчала на скамейке. Нос её был куском тектонической плиты, рот провалом, глаза - колючки с песком. Она повидала многое, прошла афганскую войну без красного кандибобера. Она нюхала кровь, слышала хруст костей, и нервы её натянулись и ощетинились колючей проволокой. После увольнения из охраны она замывала кровь в ресторане «Волна», который криминальные элементы использовали для сходок. Там встречались, решали вопросы, и иногда кто-то из присутствовавших терял дыхание и его относили в овраг, и тогда охранница (она работала там техничкой) делала срочную уборку помещения. И ни одна жилка не дёргалась на её лице. Ничего личного, работа. Вот такого человека встретила Тоня и сказала: «Привет, Катюша, моя птичка. Совсем постарела, а хлеборезка так же закрыта. Узнаёшь? Тоня-Лухари. Ну? Помнишь, как ты меня отхайдокала?» Катюшина бровь произвела маленькое землятрясение на континенте ее лица. Песок в глазах зашевелился. Плиты раздвинулись со скрипом и что-то вроде гримасы ужаса сложилось перед Тоней. Это была улыбка. Катюша узнала Тоню, они обнялись. «Диабет, артрит, давление. Но пенсия военная, - сказала Катюша, - Еду в санаторий». «Ты молодец, - сказала Тоня, - Бодрячком, делай зарядку, записывайся в клуб «Активное долголетие», там порядок нужен». Катюша кивала. Тоня рассказала, как её выгнали из «Активного долголетия», Катюша размяла кулаки. Тоня сбегала за коньяком, они выпили, чтобы расширить сосуды. Молодой охранник вокзала подошел было к ним, но Катюша посмотрела тяжело и сказала «Ша!», охранника сдуло. «А помнишь, бунт устроили, СОБР приехал, нас всех мордой в асфальт до утра, а ты дубинку даже сломала? Помнишь, Катюх, какой кипиш бы!» - и Катюха кивала, и слёзы воспоминаний увлажнили её колючие глаза, и глаза перестали быть колючими. «Я только жалею, мы с тобой без деток, Катюх, без внуков, мы с тобой такие одинокие бабы. Такие одинокие бабы». И по сложному рельефу Катюхиного лица побежала чистая горная река её слёз, и была эта река солёная, ибо не впадала она в море, а выпадала из него, из моря внутренних слёз Катюхи, накопленных за жизнь. Катюха обняла подругу на прощание и поезд унёс её в санаторий, а Тоня осталась. Осталась, дамы и господа, чтобы найти себе семью.

18.

Квартира Кузнецовых. Макс красит стену под управлением Антонины, рядом Семён катает коляску.

АНТОНИНА *(поёт)*. Ничто на земле не проходит бесследно, и юность ушедшая всё же бессмертна, как молоды мы были, как искренне любили, как верили в себя!
МАКС. Может, хватит?
АНТОНИНА. Давай ещё. Мы с Семёном в магазин зашли, и он там всё смотрел, трогал, и колясочку эту выбрал. Молодец, Сём, хороший папаша, катай, катай. *(Максу)* Дверь наладил, молодец. А то чё это - дверь не запирается. Осталось докрасить. Давай, Максик, ещё на раз.

МАКС. Устал.
АНТОНИНА. А кто не устал? Все устали.
МАКС. Устал.
АНТОНИНА. Все устали прикидываться, что всё, знаешь, нормально. Нормально всё. Тип-топ. Люди пыжатся-пыжатся, изображают, что ничего не случилось. Всё как раньше! На бульварах фестивали, на фестивалях гусары. Ехала давеча на электричке, и тут - дым. Дым валит, заволокло, дышать нечем. Едем через горящие леса, и это в городе! И чё думаешь? Кто-то вскочил, забегал? Кто-то заорал, заматерился? Ни фига. Все боятся и боятся бояться. Все в телефоны нырнули. Так и надо, так и было задумано, мэр сжигает зло. Зло горит, слава те господи. И мы из дыма зла на поезде добра хуярим. Пардон. Мчим. Мчим и от страха трусы мочИм. Но молчим. Главное - молчим.
МАКС. Этот поезд в огне.
АНТОНИНА. В огне.
МАКС. Вчера звонили из супермаркета. Сказали: ваша дочь украла оливки. Не заплатила. Мелкое хулиганство. Я кинулся читать - что это может быть. Говорят: интенсивный физический рост, большие гормональные изменения, непрекращающийся процесс самопознания, стремление стать самостоятельным и поиск своего места в окружающем мире.
АНТОНИНА. Вон оно чё. А мы и не знали. У нас как было - украл, так всё, за решётку.
МАКС. Как вы думаете, Антонина Степановна, что лучше предпринять?
АНТОНИНА. Надо подумать. Хм… Так на работу иди устройся.
МАКС. При чём тут «на работу»?
АНТОНИНА. Ну так ребёнок увидит, что папаша заботится, папаша делом занят. Ты попробуй, Максик. Попробуй. Тебе понравится.
МАКС. Да при чём тут… Я всю жизнь работал, всю жизнь. Журналистикой занимался, имя сделал. А профессия вымерла. Нет её. Нет профессии такой, не нужна она.
АНТОНИНА. Ну она не нужна, а ты-то нужен. Другие дела делай.
МАКС. Так делаю! Вот, ремонт!
АНТОНИНА. Ремонт что, мелочи жизни. Ремонт тебе лавэ не принесёт, если только ты не как я - умеешь. Но у тебя же руки, они…
МАКС *(перебивает)*. Не надо меня унижать. Делаю как могу.
АНТОНИНА. Ну, может, намострячишься, кстати. Где твоя жена?
МАКС. На работе, очевидно.
АНТОНИНА. Девять вечера, где твоя жена?
МАКС. Не знаю…
АНТОНИНА. Где твоя дочка?
МАКС. Гуляет где-то, что вы…
АНТОНИНА *(перебивает)*. Где твоя дочка? Уже ворует, что дальше? Что дальше, Максик? Ты же даже греть ее не будешь, если она загремит. От тебя же пользы как от фраера. Нужен ты семье как зонтик рыбе, как перья ежу, как корове седло.
МАКС. Как Тесле бензин.
АНТОНИНА. Бензин? Бензин-то как раз нужен всегда.
МАКС. А у меня кончился. Понимаете? Кончился бензин.
АНТОНИНА. Ну тогда чё ты тут делаешь?
МАКС. Мне уйти?

Макс хочет выйти, но Антонина хватает его за одежду и не даёт идти.

АНТОНИНА. Куда? Куда щемишься? Ещё не договорили.

Входит заплаканная Геля.

ГЕЛЯ. Здрасти.
АНТОНИНА. Наша красавица пришла! Борща будешь?
ГЕЛЯ. Нет, не голодная. Папа, хотела сказать тебе… я очень тебя люблю.
АНТОНИНА. Опа.
МАКС. Что случилось?
ГЕЛЯ. Просто. Я очень тебя люблю. Помни, пожалуйста.

Геля убегает в ванную и запирается. Макс подходит к двери, стучит.

МАКС. Геля. Гель. Открой. Открой, пожалуйста. Что случилось? Ты можешь открыть, поговорим? Геля! Гель! Не хочешь говорить? Ну дай знак, что всё в порядке.
АНТОНИНА. Да в порядке, конечно. Ты только проверь, таблетки-то на месте, нет?
МАКС. Какие таблетки?
АНТОНИНА. Ну какие, любые. У вас где они лежат-то?

Макс убегает в гостиную, возвращается к ванной и ломает дверь.

МАКС. Ты дура что ли? Ой, дура, ой, идиотка! Ты совсем что ли? Совсем уже? Ты ку-ку? Давай, давай, давай. Господи!
АНТОНИНА. Господи, ижи еси на небесах.
МАКС. Да свечи-то зачем, они от геморроя…
АНТОНИНА. …Да светится имя твоё, да приидет царствие твоё, да будет воля твоя, яко на небеси и на земли…
МАКС. У тебя что, силы воли нет? Ну что случилось? Зачем? Это не еда! Это не еда!
АНТОНИНА. …Хлеб наш насущный даждь нам днесь…
МАКС. Ты должна жить, Гель, должна быть счастливой!
АНТОНИНА. …И остави нам долги наш, якоже же и мы оставляем должникам нашим…
МАКС. Ну мало ли трудностей, проблем, искушений…
АНТОНИНА. …Да не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого…
МАКС. Я твой отец, отец твой, Гель, чё ты мне ничё не рассказываешь-то, я же помогу, спасу, сохраню…
АНТОНИНА. …Во имя отца, и сына, и святого духа, аминь.
МАКС. Дура, ой, дура, какая дура.
АНТОНИНА. Слава богу, Сём, слава богу. Юность бессмертна.

19.

Соседка с внучкой гуляет на детской площадке, подходит курящая Антонина с Семёном, он бегает с коляской по площадке и воет, внучка бегает за ним и тоже воет.

СОСЕДКА. Прекратите курить! Уберите этого с площадки! Тут нормальные гуляют. Немедленно уберите больного! Тут не психбольница! Аглаша! Аглаша! Стой!
АНТОНИНА. Женщина, а что это у вас такое лицо, как будто вам пуанты жмут?
СОСЕДКА. Чё?
АНТОНИНА. Пуанты жмут или геморрой замучал?
СОСЕДКА. На три буквы не хотите?

Антонина воет как волк.

Матерь божья!
АНТОНИНА. Я волчица. Выгрызаю себе место под солнцем. Разгрызаю капкан. Перегрызаю врагов. Загрызаю добычу. Кровища хлещет. Кровища на белом снегу.
СОСЕДКА. Аглаша, ко мне! Звоню в полицию.
АНТОНИНА. Стой. Ты же тоже волчица, подруга. Смотри, какие волчьи глаза у тебя. Какие клыки.
СОСЕДКА. Это коронки, женщина, отстаньте. Аглаша, домой!
АНТОНИНА. Какой смрад из пасти, эта волчица постарела, она скоро уже подохнет.
СОСЕДКА. Типун тебе на язык.
АНТОНИНА. Ты сильная. Как зовут?
СОСЕДКА. Какая разница? Пьяница.
АНТОНИНА. Как будто посадили на цепь, и ты лаешь, лаешь на цепи, рвёшься, ошейник жмёт глотку, так и жмёт, и сосуды сжимаются, давление долбит в башку. Да, родная? Вчера была у терапевта, да? Всё знаю, у меня кровь цыганская, будущее вижу, прошлое. Капотен принимаешь?
СОСЕДКА. Принимаю.
АНТОНИНА. А представь, могла бы валяться на атласной подушечке.
СОСЕДКА. На какой ещё подушечке? Женщина, отойдите от меня!
АНТОНИНА. На атласной, гладенькой, розовенькой. Могла бы жить как маленькая белая собачка. Её носят на ручках, тискают, моют шампунем. Ей не надо перегрызать глотки. Она просто ложится на спинку, ей чешут животик. Она для любви. А ты для чего? Если настучишь участковому - квартиру подожгу. Ты из пятнадцатой, знаю. Зятю колёса проколят, у него же эта, китайская, номер З437НР. Дочке ногу сломают, она в восемь возвращается у тебя, четыры дня в неделю мотается, в пятницу дома, да? В ОВД наши люди, на лапу даём, так что заявление не примут у тебя. Да ты и не успеешь написать, тебя инсульт от расстройства ебанёт. Слушай, ну вот зачем нам это всё? Как тебя зовут? Галя?
СОСЕДКА. Нина.
АНТОНИНА. Нинка, ну ты же классная баба. Мы же с тобой подружимся. У меня глаз-алмаз, вижу - подружимся. Ну зачем нам страсти все эти? Сколько там осталось, давай добрые дела делать. Давай людей

любить, Нин. Всем места хватит, всем. Замёрзла? Губки побледнели. Проверь, там камень в почке левой. Ты моя зая. На, сосуды расширь.

Антонина даёт чекушку коньяка Соседке, та автоматически прихлёбывает.

Вот так, вот так, моя ватрушечка, вот так. Всё будет хорошо. На всё боля вожья, как говорится. Аглаша у вас солнышко. Ну всё, давай, нам с Семёном в школу пора. Сём! Сёма! Что ты там вошкаешься? Айда!

20.

Платон и Антонина перед дверями класса, в котором идет урок. Сёма катает по коридорам детскую коляску.

ПЛАТОН. Вы кто?
АНТОНИНА. Расцвела под окошком / Белоснежная вишня. / Из-за тучки далёкой / Показалась луна. / Все подружки по парам / В тишине разбрелися, / Только я в этот вечер / Засиделась одна. Бабушка Гели я, привет. Сига есть?
ПЛАТОН. Нету. Так а чё вы пришли-то? У меня урок.
АНТОНИНА. Вспомни, мой ненаглядный, / Как тебя я встречала… / Мне казалось, что счастье - / Это ты, дорогой! / Всё, как лучшему другу, / Я тебе доверяла, / Почему же сегодня / Ты прошёл стороной?
ПЛАТОН. Я дико извиняюсь, у меня урок, до свидания.
АНТОНИНА. Геля отравилась.
ПЛАТОН. В смысле?
АНТОНИНА. Ну ты ее довёл, и вот она решила уйти в мир иной.
ПЛАТОН. А я при чём? Она вчера пришла ко мне домой и наврала, что беременная.
АНТОНИНА. Знаю, рассказала. Мы ее спасли, не ссы. Живая она.
ПЛАТОН *(шумно выдыхает)*. Окей. Ну всё, пойду, до свидания.
АНТОНИНА. Стоп. Стоять. Сейчас директору расскажу, как довёл девочку, и она на больничку вот-вот поедет или вообще на кладбище. Ну и тебя из школы в полпинка. В следующую школу тоже приду и настучу. Ну и в следующую. Хана тебе, Платош.
ПЛАТОН. В смысле? Вы чё совсем офигели?
АНТОНИНА. Ну.
ПЛАТОН. Вы чё? Я с ней встречался, а потом перестал встречаться, это что, преступление? Я что плохого-то сделал? По какому праву?
АНТОНИНА. «Маленького принца» читал?
ПЛАТОН. Что? Нет.
АНТОНИНА. Ты гонишь что ли? Книжки читать надо. Совсем уже одичали - книг не читают! Ты в ответе за тех, кого приручил. Наколку такую сделай, чтоб не забыть. С людьми надо как? Аккуратно, пацан. Аккуратно надо. Ты чё такой резкий? Ты поясняй. Поясняй людям. Отвечай за дела.
ПЛАТОН. Знаете что? Катитесь вы со своей Гелей подальше.

Платон хочет уйти в класс, но Антонина хватает его за грудки – от неожиданности Платон замирает.

АНТОНИНА. Хлебало завалил и слушай сюда: сегодня вечером идешь в цветочный «Персефона», знаешь? Рядом с МФЦ, на Первомайской. И берёшь самый шикарный букет, огромный, понял? Не меньше двадцатки чтоб стоил. И приходишь к нам, даришь Геле. Просишь прощение. Мол, так и так, виноват, был неправ, в поле ветер, в жопе дым, но пришёл в себя, ты моя королева и тэдэ. Если не сделаешь - утром иду к директору, а у твоей мамы пропадает собачка. Долли её зовут, да? Утащат волки твою Долли в лес. Хана твоей Долли. ОбезДОЛЛИнные будете.

Платон вырывается и сбегает в класс.

Сём! Сёма! Айда домой, кушать пора. Ну иди сюда, Сёма-кулёма.

21.

СТЕКЛЯННЫЙ ГЛАЗ. Вижу осуждение в ваших глазах, дамы и господа. Всё понимаю. Имеете право осуждать, это нормально. Может, чувствуете гнев, раздражение на Тоню? Естественно: напала на мальчика, напала на соседку. Возможно, хотите отвернуться от Тони? Грубая маргиналка. Согласен. Имеете право на свои чувства. Но какой мир породил Тоню, давайте посмотрим, дамы и господа. Какой это был мир? Хмурые люди идут по улице, взгляд «не подходи, убью». Одеты - одинаково, это же не какая-то улица Горького в Москве, это, напомню, Ликино-Дулёво, одинаково стриженные пролетарии, одна на всех бедность. Грубость как стиль: маленькая Тоня стоит в длинной очереди за сметаной и молоком, в руках бидончик на три литра и стеклянная банка. Очередь двигается медленно, жизнь проходит мимо. Продавщица, конечно, на сложных щах и щурится на девочку как на вошь, шлёп, хряп, плати деньги, покрикивает, торопит. Тоня ищет монеты, но не хватает одной, куда-то делась. Старушка скрипит: «Да иди отсюда, девочка, не задерживай», какой-то мужик уже оттесняет её от прилавка. Тоня продирается к своему - отдайте! Дома нужно помыть полы, посуду, постирать руками, а вечером придут мать с отчимом с работы - нужно уйти на улицу, не мешать. Отчим рявкает: плохо пожарила картошку, отчим даёт подзатыльник, мать второй. Так проходят летние каникулы, зимой, весной и осенью ещё хуже, и надо делать уроки. Получила двойку? Прогуляла? Отчим поднимает ремень с тяжелой пряжкой, на пряжке звезда. Они хотят воспитывать, они хотят как лучше. Звезда отпечатывается на бедре. Когда у Тони начинает расти грудь, отчим орёт на неё громче и чаще бьёт, он смотрит с ненавистью, мать бесится, мать не хочет, чтобы перед глазами ее мужа ходило это новое тело, Тоня убегает на улицу. Спортивные штаны, куртка - меня нет, меня не видно. Тоня понимает: надо как-то выживать. Она знает всех, каждую собаку. Находит надежных, вместе они знают всё про всех: у кого какая получка, как распределяются блага, кто и что ворует у себя на работе, где хранит. У Тони информация, и эта

информация может кормить. И можно не возвращаться домой, можно устроиться у подруги, кормить всю её семью, гулять с любым парнем, и даже не бросать школу, тем более, там молодой учитель физкультуры, а Тоня лучше всех прыгает через козла и быстрее всех лазит по канату. Он очень солнечный. Ноги его, руки и грудь покрыты золотым пушком. Зубы белые, он улыбается, много улыбается. В спортзале есть подсобка, в подсобке хранятся стопкой черные блестящий маты. Через два месяца он говорит ей: всё, останься, ты малолетка, у меня жена, я наврал, что люблю, ты грязная шмара, а она святая, вали отсюда. Она уходит, но уже не одна. Надо что-то с этим делать. Мать выгнала отчима, Тоня возвращается домой. Мать бьёт её чайником по лицу. Мать говорит: нагуляла. Нерожденные сёстры и братья Тони тихо плачут. Мать говорит: надо было сразу идти в консультацию, а не рожать такую потаскуху. И ведет Тоню туда. Умри ты сегодня, а я завтра. Медсестра ненавидит Тоню, никто не хочет сделать боль меньше, муки как расплата, репетиция ада. В семьдесят девятом году начинается война в Афганистане. Закончится она через десять лет.

22.

Цветочный магазин «Персефона», Мила улыбается Платону.

МИЛА. Рада тебя видеть, Платон! Что-то не приходишь к нам.
ПЛАТОН. А вы не знаете, да? Мы же больше не пара с Гелей.
МИЛА. Как?
ПЛАТОН. Ну так.
МИЛА. Ладно. Как дела в школе?
ПЛАТОН. Хорошо. Скажите, а Гелина бабушка - она ваша мать?
МИЛА. Какая бабушка?
ПЛАТОН. Ну, бабушка. Она в школу приходила с Семёном вашим.
МИЛА. Да? Антонина Степановна? Это няня Семёна. А зачем она приходила?
ПЛАТОН. А какие цветы Геля любит больше всего?
МИЛА. Геля? Ну, не знаю. Кстати, интересно, да… Может, гортензии?
ПЛАТОН. Просто не дарил ещё не разу, и…
МИЛА. Это так романтично! Можно собрать белых, эустому добавить… Так вы же не пара? А, ты пошутил, понятно, понятно, ха-ха!

Платон выкладывает четыре пятитысячные купюры на прилавок.

ПЛАТОН. Хватит столько? Только мне большой надо.
МИЛА. Конечно, хватит, я же скидочку тебе сделаю ещё. Ну, Платон, вот это стиль, вот это я понимаю… Сейчас, сейчас, всё сделаем. Геля ужасно обрадуется, ужасно! Я ей, прям, завидую - мне таких букетов не дарили.
ПЛАТОН. А вы совсем ниче не знаете, да?
МИЛА. Что?
ПЛАТОН. Ну, новости. У вас вид такой - отдохнувший. Как будто новости не читаете.

МИЛА. Да, не читаю, зачем? Бывает випассана, знаешь, а у меня флорпассана какая-то тут, я просто в саду райском, и вообще ничего знать не хочу ни про что - какие там законы приняли, кто кого отменил, посадил, какая разница?
ПЛАТОН. Ну да, какая разница.
МИЛА. Так много красоты в мире, а мы, мы ее вообще не замечаем. И даже запахи перестали чувствовать. Как много ароматов. Ты понюхай. Это же… это же с ума сойти!

Мила и Платон нюхают цветы.

ПЛАТОН. Да. Круто. Мы расстались с Гелей, она наврала моим родителям, что беременная, попыталась суициднуться, а ваша няня - это гангстер.
МИЛА *(смеется)*. Платон, ты такой… такой талантливый!

Заходит Пётр.

ПЁТР. Здрасти, как у вас тут хорошо.
МИЛА *(продолжает смеяться)*. Да, у нас тут… у нас тут стендап! Ну всё, Платон, пока, хорошего вечера.
ПЛАТОН. Хорошего вечера.

Платон уходит с букетом.

ПЁТР. Кто это?
МИЛА. Бойфренд моей дочери.
ПЁТР. Я купил нам билеты в Сочи. Там дендрарий, сорок гектаров счастья. Лотосы даже есть. А потом можно в Питер махнуть, в Ботсад. Оранжереи, оранжереи, оранжереи. Тропические сады для моей птички. Что ты такая задумчивая?
МИЛА. Этот Платон, он так странно шутил…
ПЁТР. Забей, Мил. Они, современная моложежь, они, знаешь, такие странные.
МИЛА. Да, странные.
ПЁТР. Мы их никогда не поймём. Ну и хрен с ними. Тля и тля.
МИЛА. Да.
ПЁТР. Зачем тебе их грязные энергии, ты же тут в мире белых лилий, нежных гортензий, розовых махровых и бахромчатых тюльпанов, роз, альстромерий, нарциссов, гиацинтов, мускари, веточек мимозы, фрезии, ранункулюсы, в анемонах ты тут, ирисах, в ветвях эвкалипта, рускуса, салала, бергграса…
МИЛА. Поцелуй меня.

Пётр целует Милу.

Как я была обретена тобой?
ПЁТР. Божественное проведение. Это было божественное проведение. Ты должна остаться у меня на ночь.
МИЛА. Зачем?
ПЁТР. Хочу тебя вздрючить. Потому что… потому что поцелуи - это хорошо, но… Но я больше не могу.

МИЛА. А как же… что скажу семье? У меня муж.
ПЁТР. Разводись.
МИЛА. Но…
ПЁТР. Никому не отдам тебя, куколка моя. Будешь в раю. В оранжерее. В тропиках, в тепле. Они цветут вечно, никакой зимы, никакого увядания, вечная молодость. Антуриумы называют мужским счастьем, ты знала? Сначала в цветках видно только рыльца, а тычинки скрыты в углублениях околоцветника. Цветок выглядит женским. Потом на рыльцах появляются капли сладковатой вязкой жидкости. Летят опылители. Жидкость подсыхает и рыльце перестаёт воспринимать пыльцу, появляются тычинки. Тычинки набухают. Тычинки растут. Антуриум называют мужским счастьем за его початок. Красивое упругое соцветие. Скоро его увидишь. Моя жена – она была такая дура, сбежала. А ты не сбежишь. Уже есть высокий забор, сигнализация, камеры, колючая проволока. Есть даже подвал, там кислород, продукты на год, бензин, если всё наверху накроется, мы выживем, будем цвести вечно, ты и я, ты и я, Мила моя. Девочка моя. Буду кормить из ложечки, качать на ручках, охранять твой сон. Папа позаботится о тебе.

23.

Квартира Кузнецовых. С кухни раздается тихое позвякивание посуды. Геля лежит на диване. Возле неё сидит Макс. В кресле дремлет Антонина, рядом на полу – бутылка.

МАКС. У тебя есть папа, Гель. Ты же не одна, у тебя папа. Папа что-то придумает. Папа начал сочинять стихи, знаешь? Да, стихи. Вот, послушай: Патрики в бедном городе / Засыпаны шелухой / Семечек. Это хокку, Гель, такая форма специальная. А может, и не хокку, я хэээ. Умница моя. Всё несправедиво, всё ужасно несправедливо. Но ты не одна. У тебя папа, он умеет смешить, так чтобы сердце, ээээ, трепещало вразнозноброд. Улыбаешься? Да, я соединил четыре слова, всё для тебя, моя киса. Всё будет хорошо, мы ещё сожрём попкорн с трюфелем, ещё повысим свою каратность. Ремонт сделаем – конечно, не жир, но чистенько будет, по крайней мере. Позвал своего знакомого – тоже журналист безработный, но по столярке сечёт, так что он нам кухонный гарнитур обновить поможет. Знаешь, в дневниках Достоевского: «Дочь была дуботолка и труперда». А ты же у нас вообще другая дочь, и я другой отец, иногда, конечно, достаточно дуботолк и труперд, но иногда просветления меня догоняют, слава богу. Ну вот, киса, ну вот, ты улыбаешься, как хорошо, что есть папа, да? Как хорошо.
ГЕЛЯ. А где мама?
АНТОНИНА *(сквозь сон)*. В одном городе жила парочка / Муж был шофер, жена счетовод / И была у них дочка Аллочка / И пошел ей шестнадцатый год…
МАКС. Мама на работе, наверное. Мама у нас теперь работает, так что…
ГЕЛЯ. Уже поздно, пап, где она?
МАКС. Не знаю.

АНТОНИНА *(сквозь сон)*. "Здравствуй, папочка, - пишет Аллочка. – Мама стала тебя забывать. / С лейтенантами и с майорами / Поздно вечером стала гулять…"
МАКС *(громко)*. Антонина Степановна, а вам домой не пора?
АНТОНИНА *(просыпается)*. А?
МАКС. Домой не пора вам? Семён как-то без вас справляется.
АНТОНИНА. А сколько времени?
МАКС. Так девять уже, спокойной ночи малыши закончились, давайте, по домам.
АНТОНИНА. Да, да. Ща метнусь кабанчиком.
МАКС. И знаете, давайте уже завязывайте.
АНТОНИНА. А?
МАКС. Завязывайте, говорю. Сосуды уже сильно расширились.
АНТОНИНА. А?
МАКС. Сосуды, говорю, расширились уже мама не горюй, харэ.
АНТОНИНА. А, да, хорошо, хорошо. Пойду чайку хлебну на посошок.

Антонина уходит на кухню.

ГЕЛЯ. Пап, а мама для тебя… ну, она та самая?
МАКС. Что ты имеешь в виду?
ГЕЛЯ. Ну, она та самая? Которую всю жизнь любить будешь?
МАКС. Тебя всю жизнь любить буду.
ГЕЛЯ. А Сёму?
МАКС. Сёму… это сложный вопрос.
ГЕЛЯ. А маму?
МАКС. Не знаю. Думаешь, человек сорока лет всё знает? Человек сорока лет дурак полный, такой же, как и в пятнадцать, только с депрессией, гастритом и долгами по кредитке.
ГЕЛЯ. А ты бы хотел сдать Сёму в дом дураков?
МАКС. Гель, ну… Это сложно.
ГЕЛЯ. Ну а что будет дальше? Куда мы денем Сёму?
МАКС. Не знаю.
ГЕЛЯ. Если мама уйдет, будешь сидеть с ним?
МАКС. В смысле? Куда уйдет?
ГЕЛЯ. Сдашь его? Забудешь про него?
МАКС. Геля…
ГЕЛЯ. А если влюбишься в кого-то и уйдешь, возьмешь с собой Семёна?
МАКС. Да хватит уже! Хватит!

Раздается звонок в дверь.

ГЕЛЯ. У мамы ключи.

Макс идет открывать. Возвращается с Платоном, Платон протягивает Геле букет.

ПЛАТОН. Извини.

Геля не встает с дивана. Платон подносит букет к ее рукам. Она не берет. Букет забирает Макс.

МАКС. Прекрасные цветы! Роскошные! Спасибо, Платон! Поставлю в вазу.

Макс уходит на кухню.

ПЛАТОН. Извини, что так получилось. Просто понял, что… ну…
ГЕЛЯ. Что не любишь меня.
ПЛАТОН. Да, не люблю. Это что, преступление?
ГЕЛЯ. Нет.
ПЛАТОН. Тогда чё до меня докопалась? Ты сталкер?
ГЕЛЯ. Авва Анувий поселился в храме Анубиса, чтобы утром кидать камни в статую Анубиса, а вечером просить у неё прощение.
ПЛАТОН. Зачем всё это устроила? Зачем эту тётку ко мне подослала? Она угрожает Долли украсть.
ГЕЛЯ. Какую Долли?
ПЛАТОН. Собаку нашу.
ГЕЛЯ. Я не…

Входит Антонина.

АНТОНИНА. Геля! Доставай сервиз - дорогой гость у нас!
ГЕЛЯ *(Антонине)*. Вы что, вы в школу приходили?
АНТОНИНА. Не мороси, я сработала тонко, на нюансах. Мужчина твой осознал, что был не прав. Осознал, Платош, да?
ПЛАТОН. Да.
АНТОНИНА. Не слышу. Скажи нормально, всё, что должен.

Входит Макс с букетом в вазе.

ПЛАТОН. Может быть, я виноват, что грубо бросил, но не виноват, что не люблю тебя. И не надо врать моим родителям, что ты беременная, у нас не было секса, и не надо насылать на меня эту бабку сумасшедшую, пожалуйста! *(Максу)* Вы знаете, она угрожает украсть нашу собаку и пойти к директору? Она хочет выгнать меня из школы!
МАКС. Антонина Степановна?...
АНТОНИНА *(Максу)*. Да он балдой, чё ты его слушаешь?
МАКС. Балдая тут вы.
ПЛАТОН. Именно.
МАКС *(Антонине)*. Вы совсем что ли уже? Вы с дуба рухнули?
АНТОНИНА. За базаром следи.
МАКС. Уходите из моего дома.
АНТОНИНА. Чё?
МАКС. Уходите из моего дома!

Антонина грузно плюхается в кресло.

АНТОНИНА. Максик, не надо рыпаться. У меня не то состояние щас.
ГЕЛЯ. Пап, врежь Платону.
МАКС. Что?

ГЕЛЯ. Платону врежь. Ты же сказал, я не одна, у меня есть папа. Ты поможешь, спасёшь, сохранишь, да, пап? Вот, прошу тебя - помоги.
МАКС. Но Гель…
ПЛАТОН. Вы тут все зомби какие-то…
АНТОНИНА. А ты фуфло.

Платон пытается выйти из комнаты, но Макс задерживает его.

ПЛАТОН. Отпустил меня!
МАКС. Гель, но, подожди, ну за что, зачем?
ГЕЛЯ. Я так хочу.
МАКС. Но Гель!
АНТОНИНА. Букет пригнал, но так ничё и не понял, Платош, тьфу.
ГЕЛЯ. Бей. Давай, пап! Врежь ему!
МАКС. Не могу.
АНТОНИНА. Геля, повторяй за мной: Где тропа, где тропа за рекой запорошена / Были встречи у нас горячи...
ГЕЛЯ. Не буду!
АНТОНИНА. Не ходи, не ходи ты за мною, хороший мой, / И в окошко моё не стучи...
ГЕЛЯ. Ненавижу!
АНТОНИНА. Ведь не я, ведь не я тебя, милый, оставила, / Сам пошёл ты на выбор такой…
ГЕЛЯ *(Платону)*. Пошёл ты!
АНТОНИНА. Ведь не я, ведь не я тебя, милый, заставила / Целоваться на свадьбе с другой...
ГЕЛЯ. Хватит! Хватит! Хватит! *(Максу)* Отпусти его, пап.

Макс отпускает Платона. Платон убегает.

АНТОНИНА. Ну и хорошо.

Геля плачет.

МАКС. Киса, пожалуйста!

Макс обнимает Гелю и она рыдает на его груди. На всё это удивленно смотрит пришедший из кухни Семён в мокрой одежде.

АНТОНИНА *(Семёну)*. Ну вот так, братишка. Как-то так у нас всё.

Семён обнимает Гелю.

24.

СТЕКЛЯННЫЙ ГЛАЗ. Любила ли Тоня? Любила ли Тоня по-настоящему, дамы и господа? Как думаете? Поднимите руки, кто за то, что любила. А теперь те, кто думает, что нет, не любила по-настоящему никогда никого. Отлично, интересные результаты, интересные результаты, дамы и господа. *(Пауза)* Однажды Тоня украла маленькую девочку, дочку соседей. Хорошенькая, в кружевном белом платье,

светлые кудри, ангел, пришедший из журнала «Работница», репродукция картины Леонардо да Винчи. Тоня не смогла удержаться и взяла ее с собой, решать вопросы в своём жилищном комитете. Тоня кое-как устроилась, не хотели брать, осУжденных никто не хочет брать на работу. Они так хорошо вместе смотрелись! Тоня, с её плодородным видом, и эта маленькая девочка с пухлыми нежными ручками, Тоня чувствовала себя Мадонной с той же картины итальянского художника. Она кормила девочку крошечными конфетами - изюмом в сахарной глазури, разноцветными камешками - и всем её показывала. Девочка всем улыбалась, а Тоня представляла, что это неслучайная девочка, нет, вообще неслучайная девочка. Не случайная девочка, а её дочь. Новая дочь смотрела так доверчиво своими круглыми глазёнками, не плакала, не капризничала, здоровалась с каждым, немного картавила. Новая дочь разрешала погладить себя по голове и тихо рисовала на конторской бумаге каракули. Ей показали дырокол, она пришла в восторг. Они зашли в универмаг, новая дочь подошла к одной кукле, Тоня её купила. Потом новая дочь захотела качаться на качелях и Тоня терпеливо её качала. Вечером, уже дома, девочка вдруг заплакала и сказала, что хочет к маме. Тоня включила ей телевизор, но, как назло, мультиков не передавали, а передавали Ельцина. Девочка тихо уснула на Тониной кровати в слезах, и вид у неё был несчастный. От этого Тонино сердце разрывалось на части, но одновременно сжималось от нежности. Утром Тоня отвела девочку её родителям. Через час она уже имела беседу со следователем - отец девочки был директор мясокомбината и дело быстро возбудили. Так Тоня уехала в свою третью колонию.

25.

Цветочный магазин «Персефона». Мила крутит букет какому-то студенту. За ним стоит Антонина.

АНТОНИНА *(поёт)*. Не было печали, покуда не расстались, / Покуда не расстались мы с тобой. / Не было печали, пока не прокричали / Нам журавли над грешною землёй.

Студент испуганно озирается на Антонину. Молча расплачивается за букет, хватает его и выскакивает из магазина.

МИЛА. Вы хотите всех клиентов разогнать?
АНТОНИНА. Люсь, между нами, девочками: я всё понимаю.
МИЛА. Антонина Степановна, во-первых, прошу называть меня Мила. А во-вторых, я вам заплатила аванс, и вот (*кладет на прилавок несколько купюр)* зарплата, видите, повышение у вас. Довольны?

Антонина спокойно забирает купюры.

АНТОНИНА. Сама в молодости погулять любила. Частушку знаешь? Мне посылочка пришла / От неизвестного лица: / В ней — три пуда колбасина / И по пуду два яйца. И вот такие посылочки приходили регулярно.

МИЛА. Очень хорошо, любите фольклор, класс, но вам пора.
АНТОНИНА. Погулять любила, а теперь уж что - во-первых, кого ждала кого любила я, уж не догонишь не вернешь. А во-вторых, увял колосок, потух голосок, остался на куньке один волосок.
МИЛА. Ну, это нормально, это биологические процессы, если правильно вас поняла. До свидания, Антонина Степановна.
АНТОНИНА. Ты домой когда собираешься, Люсь?
МИЛА. В смысле?
АНТОНИНА. Погуляла и хватит. Максик места себе не находит.
МИЛА. Мне кажется, мы сами разберемся как-нибудь.
АНТОНИНА. Да не разберётесь вы, не смеши мои сиси. Люсь, возвращайся.
МИЛА. Завтра улетаем с Петром. На отдых. Я в Сочи была двадцать лет назад, с родителями. Хочу отдохнуть.
АНТОНИНА. Зимой? Дождись лета хотя бы.
МИЛА. Не могу больше ждать.
АНТОНИНА. Понимаю. Ноль процентов осуждения, сто процентов понимания, как молодёжь говорит. Тебе, конечно, надо отдохнуть, Люсь. А когда отдохнёшь - возвращайся домой. Борщ сварю, пирог испеку, Максик ремонт доделает, с божьей помощью, позовём Галку, она плиточница от бога, дорогу в рай плиточкой выложит. Ну и ваш сортир тоже. Ты детям нужна, Люсь.
МИЛА. Не хочу, не хочу, не хочу. Не хочу, чтобы нужна. Ночью Сёма приходит, будит меня - его нужно в четыре утра покормить, развлечь. Развивалки эти бесконечные, борьба эта на детских площадках, в поликлиниках, в транспорте, взгляды эти волчьи. Как прокаженные, все гоняют, все недовольны, мы портим вид, мешаем нормальным людям. Я так билась, чтобы он начал говорить, чтобы не отбирал еду у Гели, у прохожих, чтобы мог жить рядом с людьми, а не в ПНИ этом адском. Билась, билась за какую-то адаптацию, социализацию, обучение, чтобы он мог как-то жить, кем-то работать, чтобы… чтобы мы были нормальная какая-то семья. Так устала. Больше не могу. Всё время одна, одна. Максим занимается собой, а я всегда Сёмой, Сёмой, все силы, всё время… Они предлагали таблетки, чтобы он весь день как овощ лежал. Попробовала даже. Такие глаза у него тоскливые стали. Как будто убивают его. Глаза несчастного забитого существа. Не смогла больше. Но и сама уже не могу. Всё, кончилась батарейка. Баста. Извините.
АНТОНИНА. Люсь, всё понимаю.
МИЛА. Понимаете - ну и отлично. Тогда давайте про цветы лучше. Ничто не вечно, каждый махровый и бахромчатый тюльпан, каждую розу, альстромерию, нарцисс, гиацинт, мускари, каждую веточку мимозы, фрезии, ранункулюсы, каждый анемон, ирис, ветвь эвкалипта, рускуса, салала, бергграса кто-то рано или поздно срежет. Думать об этом больно. Я уйду, а эти все - останутся? Но думать об этом среди цветов - не так страшно.
АНТОНИНА. Думать об этом нестрашно, если ребятишки есть, Люсь. А если нету, как у меня… Если семьи нету, и ты один на белом свете… Вот где страх-то. Вот где страх-то, Люсь. Отдайте мне Семёна.
МИЛА. Что?
АНТОНИНА. Отдайте мне Семёна. Мы ладим. Он добрый пацан. Будем с ним посуду мыть, разговаривать, будем вас навещать.

МИЛА. Антонина Степановна, вы совсем уже?
АНТОНИНА. Ты подумай, Люсь.
МИЛА. Вы совсем уже?
АНТОНИНА. Давай, пока. С моря вернешься - решишь. Не тороплю тебя.

Антонина уходит. Мила смотрит ей вслед.

26.

Отремонтированная квартира Кузнецовых, накрытый стол, украшенные гирляндами стены. Играет песня Аллы Пугачевой «Арлекино», Мила входит и видит Сёму, Гелю и Платона, они танцуют энергичный танец. Семён замечает Милу, бежит к ней, обнимает её.

СЕМЁН. Мама вернулась!
МИЛА. Сём, ты разговариваешь?
СЕМЁН. Мамочка, так соскучился! Мамулик мой дорогой! Как загорела! А платье какое красивое, блин, Гель, смотри!
ГЕЛЯ. Мам, привет!
МИЛА. Привет, киса. *(Семёну)* Сём, а ты стал разговаривать, да?
СЕМЁН. Ну да, сколько можно молчать, мы же в свободной стране живем, да? Каждый может сказать всё, что думает, никакой цензуры, демократия. Знаешь, что такое демократия? Власть народа, мам. А мы же и есть народ, значит, мы можем тут всё решать, и можем всё обсуждать, и всё-всё говорить, всё-всё!
МИЛА. Ничего себе.
СЕМЁН. Мамочка, я же на повара пошел учиться, буду поваром модным, и ты будешь гордиться, и мои рестораны будут в списке Мишлена, буду богатый и знаменитый, классно же?
МИЛА. Классно!
СЕМЁН. Куплю тебе квартиру, и дачу куплю, и у тебя будет свой цветочный магазин, всё-всё будет, и будешь ездить на такси бизнес-класса, и летать бизнес-классом, и жить в отелях пять звёзд!
МИЛА. Как здорово, Сём! Это так классно! А где папа?
СЕМЁН. А папа умер, у нас же поминки, мам.

Мила видит в углу комнаты гроб, в котором лежит Максим, возле гроба сидит Антонина, улыбается и причесывает ему волосы гребешком.

Мила просыпается - рядом храпит Пётр. За окном кричат чайки.

27.

Ещё наполовину отремонтированная квартира Кузнецовых, Антонина и Галя, женщина в рабочей одежде, пьют водку, на столе накрыты закуски. Рядом ест замороженную ягоду из морозилки Семён. В квартиру входит уставший Макс, раздевается в прихожей.

АНТОНИНА и ГАЛЯ *(поют)*. Расцвела под окошком / Белоснежная вишня. / Из-за тучки далёкой / Показалась луна. / Все подружки по парам / В тишине разбрелися, / Только я в этот вечер / Засиделась одна.

Они чокаются и выпивают.

АНТОНИНА. А помнишь, Галка, как закусились с тобой? Я думаю: ну, мразота какая и хрясь, с ноги.
ГАЛЯ. А я думаю: ну ё-моё, что за фифа, поучить надо.
АНТОНИНА. Фифа, ха-ха, фифа! Ну, давай.

Они чокаются.

ГАЛЯ. А помнишь, на мой дэрэ чифир по кругу гоняли до талого, и ты хаванину притащила, и я…
МАКС (*перебивает)*. Вечер в хату, дамы.
АНТОНИНА. О, Максик! Иди к нам, мы тут ударницы, отмечаем, вот…
ГАЛЯ. Здрасти.
МАКС. Вижу.
АНТОНИНА. Это Галя, плиточница от бога, дорогу в рай плиточкой выложит, ну и ваш сортир тоже, видал?
ГАЛЯ. Старалась.
МАКС. Сейчас посмотрим. А что это Семён из морозилки ест?
АНТОНИНА. Дак хочет и ест, витамины же. Ну ты посмотри, Максик, ты посмотри, как ровненько, какая затирочка - самый самолёт! По лазеру всё ложила, тип-топ. Давай выпей за мастера, Галка у нас - золотая ручка, как Сонька, только Галка…
ГАЛЯ. Разливай,
АНТОНИНА. Да ты чё щемишься, скромница, ты же на доске почета должна висеть, и висела! Она висела на доске в… в санатории нашем.
МАКС. Дамы, вам пора. Сколько я Галине должен?
АНТОНИНА. В смысле? Рассчитаемся потом, у нас ещё фартук на кухне, полы…
ГАЛЯ. Забейте.
МАКС. Вы знаете, мы сами доделаем это всё.
АНТОНИНА. В смысле «сами»? Кто это «сами»?
МАКС. Получили аванс, мы же теперь столяркой занимаемся с другом. Так что, найму плиточника, а остальное сам. Кстати, созванивался сегодня с педагогом, она умеет работать с такими, как Семён, и завтра выйдет к нам. Так что, спасибо, Антонина Степановна, за вашу помощь, спасибо большое за всё, вы очень помогли, и этого достаточно, больше не понадобится. До свидания!
АНТОНИНА. Ты чё, гонишь, что ли? Гонишь?
ГАЛЯ. Тонь, Тонь…
МАКС. Антонина Степановна, до свидания!
АНТОНИНА. Гонишь, что ли? Какое досвидание, никуда не уйду!
ГАЛЯ. Тонь, айда…
МАКС. Покиньте помещение! Устроили шалман.
АНТОНИНА. Ты чё, берега попутал, какой шалман? Мы конец рабочего дня, тут плиточка, всё по лазеру, а затирка!
ГАЛЯ. Тонь…

МАКС. Мы вас наняли? Наняли. А сейчас увольняем. До свидания.

Макс хочет вытолкать Антонину, она плюет в Макса, он замирает на месте.

АНТОНИНА. Что ж ты, фраер, сдал назад? Не по масти я тебе?
ГАЛЯ. Тонь…
МАКС. Совсем обалдела…

Антонина бросает в голову Макса недопитую бутылку. Макс падает и теряет сознание.

28.

СТЕКЛЯННЫЙ ГЛАЗ. Трудно говорить, дамы и господа. Трудно. Закон? Я немею перед законом. Нет оправдания поступку Тони. И даже не буду давить на жалость, рассказывать, как жизнь обижала Тоню, как люди не замечали её добра, причиняли ей вред, предавали. Всего этого не буду перечислять. А лучше расскажу про мальчика Женю. Мальчик Женя был мелкий как кошка, любил читать книжки и жалел всякую гроздь сирени, когда её безжалостно срывали прохожие в их дворе. Женя носил очки и не любил футбол, что делало его бесполезным для дворового комьюнити. Всякий знал, что Женя не будет бросать шифер в огонь и жевать гудрон, велосипеда у него не было, и если толкнуть Женю, он быстро падал, поэтому его толкали часто. Толкали, дразнили жиденком, били палкой, плевали в спину, бросали портфель в унитаз, кидали в него тряпкой от мела, подсовывали кнопки. В общем, жизнь Жени была невыносимой, пока одна старшеклассница не пожалела его. Старшеклассница сказала всем: это мой брат, кто на него дернется - огребет. Старшеклассница привела ОПГ - местных хулиганов, и хулиганы поговорили с некоторыми одноклассниками Жени и с некоторыми школьниками постарше. Старшеклассница научила Женю кататься на велосипеде и попросила учителя физкультуры, с которым у неё были какие-то особо хорошие отношения, показать ему пару приёмов самообороны. Старшеклассница придумала викторину по мушкетерам и Женя её выиграл - что вызвало уважение некоторых школьников. Женю назначили старостой класса. Женя перестал чесаться, у него прошёл гастрит и энурез. Женя поверил в себя. Женя закончил школу и поступил на юридический. Женя стал следователем. Когда Жене попалось дело Антонины, в котором она обвинялась в нанесении тяжких телесных, Женя, убедив оперуполномоченного Гунько, доказал, что это была самооборона. Да, имело место превышение самообороны, но суд оправдал Антонину. Так она не отправилась в свою четвертую колонию.

29.

Отремонтированная квартира Кузнецовых, гирлянда на стене, накрытый стол. За столом сидят Мила, Макс, Геля, по комнате бегает Семён.

МИЛА. Сегодня гуляли, Сёма рычит как волк, и тетка вредная приходит, у нее ещё внучка такая маленькая, Аглая. Она раньше нам участковым угрожала, тетка эта. Ну чтобы мы не гуляли с Сёмой на площадке. А тут косится на меня и молчит. Я говорю: женщина, здравствуйте! Как дела? Может, мы вам мешаем, так и скажите. Может, мы не той расы, национальности, интеллекта? Какими нам надо быть, расскажите. А она посмотрела на меня так испуганно, и говорит: нет, всё в порядке. Гуляйте на здоровье. Бабушка ваша уехала, да?
МАКС. Бабушка.
ГЕЛЯ. Я её видела - она снег гребла в тех домах рыжих.
МИЛА. Снег? Дворником что ли устроилась?
МАКС. На свежем воздухе, полезно.
ГЕЛЯ. Ну и хорошо.
МИЛА. Семён какой-то беспокойный.
МАКС. Да нормально.
ГЕЛЯ. Он по ней скучает. По бабе Тоне.
МАКС. Какая она тебе баба Тоня?
ГЕЛЯ. А что, нормально - баба Тоня.
МИЛА. Я же подошла к ней. Мы разговаривали. У Платона мама психологом работает, можно бесплатно ходить, по ОМС.
МАКС. У Платона? Ты чё опять с ним?
ГЕЛЯ. Нет, конечно. У меня вообще уже новый парень. Даня зовут.
МИЛА. О боже, киса, познакомь нас!
МАКС. Опять, кошмар.
ГЕЛЯ. Всё норм, па. Он хороший.
МАКС. Да они вроде все ничё, а потом…
ГЕЛЯ. И я уже по-другому, спокойнее. Мне особо некогда залипать, экзамены скоро.
МИЛА. Так и что сказала баба Тоня?
ГЕЛЯ. Просила прощения.
МАКС. Просила прощения, ну-ну.
МИЛА. Сёма, конечно, какой-то нервный.
ГЕЛЯ. Она сказала, что ходила в церковь и исповедовалась.
МИЛА. Очень хорошо.
МАКС. Модно это теперь.
ГЕЛЯ. Вот, она даже попросила меня записать видео.

Геля включает телефон, на видео – Антонина с лопатой посреди снега. Антонина кланяется в пояс, она взволнована.

АНТОНИНА. Бога ради, простите, люди добрые. Максик, прости. Сорокауст за здравие заказала тебе. В трех церквях. На святого Максима свечки ставила. За свои поступки готова отвечать. Виновата. Виновата. Люся, привет! Молодец, что вернулась домой, правильно, Люська! Сёмочке передайте…

Семён выхватывает телефон и убегает с ним в другую комнату.

ГЕЛЯ. Сёма, стой!

Геля бежит за ним.

МИЛА. Наверное, я тоже должна попросить у тебя прощения.
МАКС. Нет, не должна. Это я должен. Что все эти годы ты одна колотилась тут. А я…

Возвращается Геля.

ГЕЛЯ. Он залез под кровать и прижал телефон к животу! Мама! Папа!
МИЛА. Геличка, ну он тоже соскучился. Давайте позовём её. Всё-таки, ремонт - это ее проект. Мась, ты как?
МАКС. Делайте, что хотите.
ГЕЛЯ. Ура!

30.

Кабинет психолога. Ольга и Антонина сидят в креслах напротив друг друга.

ОЛЬГА. И что вы тогда почувствовали?
АНТОНИНА. Почувствовала?
ОЛЬГА. Да, какие чувства, эмоции вас охватили?
АНТОНИНА. Злость волчья. Изжога сразу в уши ударила. Я как будто стая овчарок, и пена с зубов капает. Сразу захотелось разорвать, клочки по миру разметать, сжечь, чтобы бетонная плита его раздавила!
ОЛЬГА. Кажется, это ярость?
АНТОНИНА. Она, она.
ОЛЬГА. Кажется, вам было больно?
АНТОНИНА. Больно? Почему больно - стая овчарок, говорю же…
ОЛЬГА. А что защищала эта стая?
АНТОНИНА. Защищала? Меня.
ОЛЬГА. Какое-то место, где было больно?
АНТОНИНА. Да.
ОЛЬГА. Маленький участок?
АНТОНИНА. Маленький? Да вся я! Только что глаз стеклянный не болел. А вся я горела!

Антонина тихо плачет.

ОЛЬГА. Вы чувствовали боль, мне хочется поддержать вас.
АНТОНИНА. Да, чувствовала. И так обидно было! Я же им помогала, помогала, а они… как на помойку бросили.
ОЛЬГА. Да, это очень обидно. Вы сделали так много добра, и…
АНТОНИНА. Да! Да!
ОЛЬГА. Кажется, вы их так любите…
АНТОНИНА. Да, люблю…
ОЛЬГА. Вы можете им это сказать?
АНТОНИНА. Сказать? Такое?
ОЛЬГА. Да, так и сказать. Прямо о своих чувствах. Как бы это могло звучать?

АНТОНИНА. Максик, Люся, я вас так полюбила. Сёмочку обожаю. Геличка - вообще душа моя.
ОЛЬГА *(передает коробку с салфетками Антонине)*. Что вы сейчас чувствуете, Антонина?
АНТОНИНА. Что только глаз мой стеклянный… мёртвый, а я вся… живая…
ОЛЬГА. Только ваш глаз мертвый, а вы вся живая. И вам больно. Но вы чувствуете любовь.
АНТОНИНА. Да.
ОЛЬГА. И если мы вернемся в тот конфликт, когда вы чувствовали обиду и ярость, можете ли вы посмотреть на него этим стеклянным глазом?

Антонина перестает плакать, успокаивается.

АНТОНИНА. Да, могу. Вот Максик: «Покиньте помещение! Устроили шалман». А мой глаз: «Один момент, секундочку! Щас, пойду к чертям собачьим, укачусь колбаской по Малой Спасской, уберусь с глаз долой, отчалю, смотаюсь, улепетаю, похромаю, сделаю ноги, закрою дверь с той стороны, изыдю, почапаю, свалю, сделаю так, чтобы вы меня здесь не видали, пойду на все четыре стороны, включу съебалсяна, и духа моего здесь не будет, а будет скатертью мне дорога!»
ОЛЬГА. Браво! Как заблестели ваши глаза!
АНТОНИНА. Стеклянный и так всегда блестит.
ОЛЬГА. А что ещё хочет сказать ваш глаз?
АНТОНИНА. Дамы и господа! Это - жизнь Тони, нищей и великой, грубой и нежной, карающей и любящей. Родина, пусть кричат уродина, а она нам нравится, хоть и не красавица, а Тоня, кстати, была красавица: такие сиси, такая жопа, черный соболь здесь, из Сибири привезён, на семи парах везён, кто хочет пить - самовар кипит, в твою кочет не проскочит, в мою гусь прлетел, в мою гусь пролетел и крылом не задел, гарнизонный капитан в ней роту обучал, он на сикеле стоял, из пистолетика стрелял, из пистолетика стрелял, за перчатки потерял, за перчатками пошёл, в ней дна не нашёл, поперек нее легло трехсаженное бревно, и турецкий посол в нее армию повел, мужик Пашеньку пахал, да и сам в нее попал, и с сохою, с бороною, и с кобылой Вороною. Но ладно, это неприлично, закроем миронию широкою ладонию. Вы скажете: сумасшедшая старуха? Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе, мы немощны, а вы крепки, вы в славе, а мы в бесчестии. Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем, гонят нас, мы терпим, хулят нас, мы молим, мы как сор для мира, *как* прах, всеми попираемый доныне. А в нас тоже есть любовь. А любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла. Любите жизнь и друг друга, дамы и господа.

КОНЕЦ

Сентябрь, 2025